

eISSN 2311-2468
Том 8, № 6. 2020
Vol. 8, no. 6. 2020

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн

Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ГАРАНЬКИН Д. Г., ЦЫБИНА Л. В.
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СФЕРЕ СПОРТА

Аннотация. В статье осуществляется лексико-семантический анализ ряда групп имен собственных (антропонимы, мифонимы, топонимы), входящих в состав английских фразеологизмов спортивной тематики. Выявляется самая частотная группа имен собственных в составе английских спортивных фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, антропоним, топоним, мифоним.

GARANKIN D. G., TSYBINA L. V.
PROPER NOUNS AS PART OF ENGLISH
PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE SPHERE OF SPORT

Abstract. The article provides a lexical and semantic analysis of the groups of proper nouns (anthroponyms, toponyms and mythonyms) as part of English phraseological units in the sphere of sport. The most frequent group of proper nouns as a part of English sport phraseological units is revealed.

Keywords: phraseological unit, anthroponym, toponym, mythonym.

В настоящее время спорт является неотъемлемой частью повседневной жизни. Поэтому крайне важно его профессиональное и грамотное освещение на телевидении, радио и в печатных изданиях. Последнее невозможно осуществить, не владея необходимой спортивной терминологией, часть которой представлена фразеологическими единицами. В связи с этим изучение спортивного дискурса является одним из актуальных направлений в современной лингвистике. В работах ученых широко представлены исследования, посвященные функционированию стилистических и лексических средств в сфере спорта [4; 7; 17], в то время как фразеологические единицы остаются малоизученными. Поэтому представляется необходимым обратить внимание на исследование фразеологических единиц в сфере спорта.

Цель данной статьи – проанализировать имена собственные в составе английских фразеологических единиц в сфере спорта. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) охарактеризовать материал исследования;
- 2) дать определение понятию «фразеологическая единица»;
- 3) классифицировать рассматриваемые фразеологические единицы, исходя из их компонентного состава.

Практическим материалом исследования послужил «Русско-английский спортивный словарь», составленный И. В. Нечаевым [8]. Методом сплошной выборки были выделены 37 словарных статей, представленных фразеологическими единицами.

По определению Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, фразеологическая единица (фразеологизм, фразеологический оборот) – это лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы [14]. В соответствии с классификацией И. Л. Кучешевой [6], по лексическому значению были выделены фразеологизмы, в состав которых входят антропонимы, топонимы, мифонимы.

Рассмотрим **антропонимы**, входящие в состав английских фразеологизмов в сфере спорта. Как отмечает И. Л. Кучешева, «одной из основных черт, характеризующих фразеологические единицы с компонентом-антропоним, является семантическая спаянность компонентов, позволяющая им выступать в качестве единой семантически не расчлененной единицы языка, выражающей единое понятие предметности» [6, с. 31]. Данное утверждение в полной мере справедливо и в отношении английских спортивных фразеологизмов.

ПРИМЕР 1. *Bosman verdict* / вердикт по делу Босмана [8, с. 1]. Антропоним в составе данного фразеологизма обозначает футболиста Жана-Марка Босмана. Будучи чемпионом Бельгии, он заключил контракт с клубом «Льеж». По истечению срока действия контракта Босман решил сменить клуб. Согласно действующему тогда законодательству, «Льеж» предложил ему пролонгировать контракт, но при этом снизив зарплату. Босман отказался и был выставлен на трансфер по цене 1 млн. долларов. Судебное разбирательство длилось 5 лет, в итоге судом было принято решение, согласно которому клуб, чей договор с футболистом истек, не имеет права просить денег за его переход в другой клуб, так как это противоречит 48 статье Римского договора, декларирующего свободу перемещения рабочей силы внутри ЕС [2].

ПРИМЕР 2. *Zukahara vault* / прыжок Цукахара [8, с. 125]. Прыжок Цукахара – это термин из спортивной гимнастики, в первой фазе полёта выполняется колесо с поворотом на 90 градусов (рондат) с последующим сальто назад. Прыжок был назван в честь японского гимнаста, олимпийского чемпиона и чемпиона мира Мицуо Цукахара [12].

ПРИМЕР 3. *Cooper's test* / тест Купера [8, с. 156]. Тест Купера – это общее название ряда тестов на физическую подготовленность организма человека, которые были разработаны американским доктором Кеннетом Купером в 1968 году для армии США. Кеннет Купер создал более 30 подобных тестов [15].

ПРИМЕР 4. *Yurchenko double twist* / упражнение (переворот) Юрченко [8, с. 103]. В русском языке существует еще одно название – прыжок Юрченко. Это популярная группа

прыжков, которые большинством гимнасток используют из-за хорошо изученных методик изучения и исполнения. Впервые этот опорный прыжок выполнила советская гимнастка, заслуженный мастер спорта СССР Наталья Юрченко, поэтому прыжок вошел в спортивную гимнастику как «прыжок Юрченко» [11].

Обратимся к следующей группе имен собственных в составе фразеологических единиц – **мифонимам**. К данной группе относятся имена собственные из библейских легенд и античных мифов. Зачастую для верного истолкования значения фразеологических единиц данной группы необходимо обратиться к этимологии именного компонента, выраженного мифонимом.

ПРИМЕР 5. *Rupture of Achilles tendon* / разрыв ахиллова сухожилия [8, с. 129-130]. Разрыв ахиллова сухожилия – одна из самых частых травм среди спортсменов. Ахиллово сухожилие именуется так в честь героя древнегреческих мифов Ахилла. Его мать, богиня Фетида, хотела своему сыну бессмертия, поэтому она окунула его по одной версии в печь Гефеста, по другой – в воды реки Стикс, при этом держа за пятку. Впоследствии Ахилл был ранен именно в эту пятку, из-за чего и погиб [13].

ПРИМЕР 6. *Aurora* / аврора [8, с. 1]. Аврора – одна из обязательных фигур синхронного плавания для юниоров [16]. Название элемента соотносится с именем богини утренней зари Авроры в древнеримской мифологии.

Последняя группа имен собственных включает в себя **топонимы**. Реалии, которые обозначают такие фразеологические единицы, непосредственно соотносятся с географией и историей страны, а также с традициями данной местности.

ПРИМЕР 7. *Bermudian rig* / Бермудское вооружение [8, с. 21]. Бермудское вооружение – это тип парусного вооружения яхт. Термин был введен приблизительно в 1830 г. яхтсменами с Бермудских остров, именно поэтому вооружение носит такое название [1].

ПРИМЕР 8. *Australian crawl* / австралийский кроль [8, с. 69] и *American crawl* / американский кроль [8, с. 69]. Оба термина обозначают разновидность кроля (англ. *crawl* — ползание) – вид плавания на животе, в котором левая и правая часть тела совершают гребки попеременно. Австралийский (двухударный) и американский (шестиударный) кроль отличаются техникой выполнения [3].

ПРИМЕР 9. *Olympic flame* / Олимпийский огонь [8, с. 91]. Это один из символов Олимпийских игр, который зажигают в городе проведения игр во время их открытия. Огонь должен гореть непрерывно до их окончания [10]. Родина Олимпийских игр – Древняя Греция. Ошибочно считается, что название «Олимпийские игры» соотносится с горой Олимп, широко известной в греческой мифологии. На самом деле указанное спортивное соревнование имело место в древней Олимпии, расположенной в западной части

Пелопоннеского полуострова. Другими словами, имя олимпийским играм дала местность – Олимпия, в которой они проводились [9].

Кроме того, в исследуемом текстовом материале встречается большое количество фразеологических единиц, одним из компонентов которых является прилагательное «*Olympic*»:

Olympic torch relay / эстафета Олимпийского огня [8, с. 187];

Olympic record / Олимпийский рекорд [8, с. 133];

Olympic motto / Олимпийский девиз [8, с. 37];

Olympic village / Олимпийская деревня [8, с. 38];

Olympic spirit / Олимпийский дух [8, с. 42];

Olympic oath / Олимпийская клятва [8, с. 63];

Olympic team / Олимпийская команда [8, с. 65].

Такое разнообразие вышеперечисленных фразеологических единиц с компонентом «*Olympic*» объясняется высокой значимостью Олимпийских игр как для спортивного сообщества, так и для зрителей.

Таким образом, в результате исследования имен собственных в составе английских фразеологических единиц спортивной тематики были сделаны следующие выводы (см. Диаграмму 1).

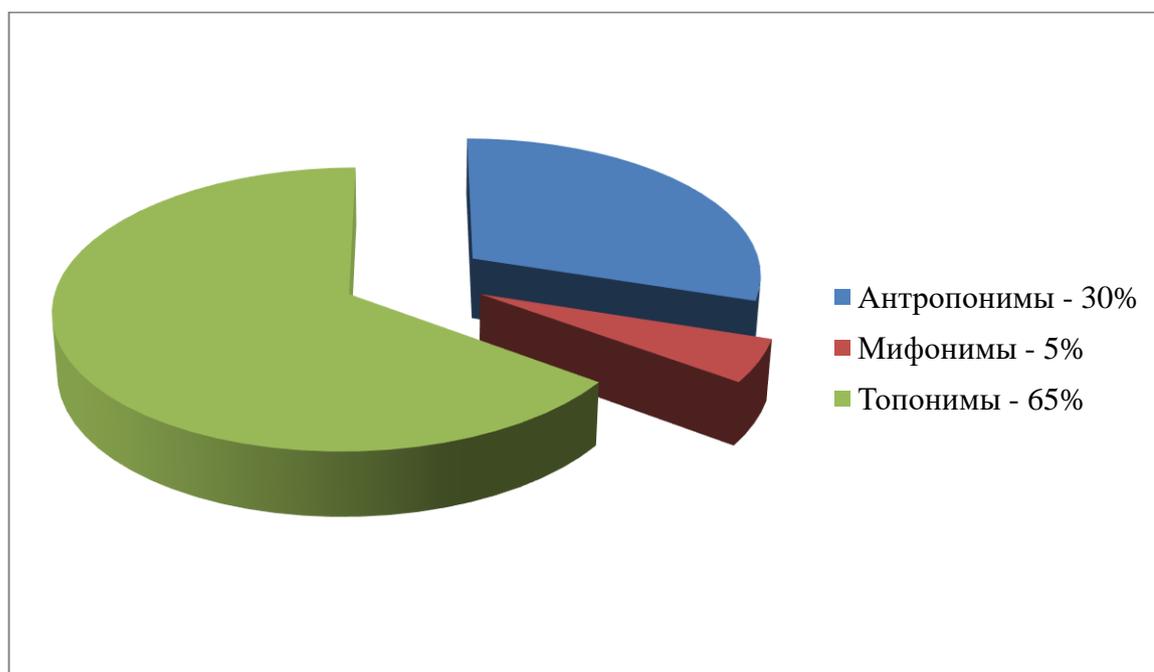

Диаграмма 1. Частотность употребления имен собственных в составе английских фразеологических единиц спортивной тематики.

Диаграмма 1 показывает, что наиболее многочисленной группой являются фразеологические единицы с именным компонентом топонимом. На втором месте стоят единицы с компонентом антропонимом. Такое распределение можно объяснить тем, что спортивные явления (элементы, техники, инвентарь) получают наименование не только в честь спортсменов, которые впервые их применили, а также в зависимости от географической точки, где данное событие произошло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бермудское вооружение [Электронный ресурс] // EdwART. Толковый Военно-морской словарь. – Режим доступа: <http://sbiblio.com/biblio/dict.aspx#find> (дата обращения 10.01.2020).
2. Вердикт по делу Босмана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/332068/delo-bosmana-v-futbole> (дата обращения 10.01.2019).
3. Кроль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Front_crawl (дата обращения 12.03.2020)
4. Кичаева А. В., Цыбина Л. В. Лексические средства выражения оценки в англоязычном спортивном дискурсе [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2017. – №10. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/leksicheskie-sredstva-vyrazheniya-ocenki-v-angloyazychnom-sportivnom-diskurse> (дата обращения 10.03.2020).
5. Конькова И. И. Анализ антропонимической структуры англоязычного научно-технического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2 (60). – С. 86–93.
6. Кучешева И. Л. Лексико-семантический анализ имен собственных в составе английских и русских фразеологических единиц: лингвокультурологический подход // Вестник ЧитГУ. – 2008. – №3 (48). – С. 30–33.
7. Лещенко Г. В., Цыбина Л. В. Лексико-грамматические приемы речевого манипулирования в англоязычных спортивных статьях [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2017. – № 14. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/leksiko-grammaticheskie-priemy-rechevogo-manipulirovaniya-v-angloyazychnyx-sportivnyx-statyax> (дата обращения 10.03.2020).
8. Нечаев И. В. Русско-английский спортивный словарь. – М.: Русский язык, 2006. – 196 с.
9. Олимпийские игры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/137221/a-vyi-znaete-pochemu-olimpiyskie-igryi-tak-nazyivayutsya---olimpiyskimi> (дата обращения 12.03.2020).

10. Олимпийский огонь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Olympic_flame (дата обращения 10.03.2020).
11. Прыжок Юрченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Natalia_Yurchenko (дата обращения 12.03.2020).
12. Прыжок Цукахары [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Mitsuo_Tsukahara (дата обращения 10.03.2020).
13. Разрыв ахиллова сухожилия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Achilles_tendon_rupture (дата обращения 10.03.2020).
14. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/linguistics/FrazeologicheskaJa-edinica-851.html> (12.03.2020).
15. Тест Купера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Cooper_test (дата обращения 10.03.2020).
16. Фигуры – синхронное плавание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-synchrosxim.livejournal.com/2252.html> (дата обращения 12.03.2020).
17. Цыбина Л. В., Шагарова О. Н. Стилистические средства выражения эмоций в спортивном англоязычном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т.12, №3. – С. 82–86.

АРЖАНОВА И. А., ЛЮРТЯЕВА Г. Р.
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы выражения модальности в англоязычном художественном тексте на примере романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Особое внимание уделяется грамматическим средствам выражения модальности, в частности, модальным глаголам и их функциям в предложении. Выявляются переводческие трудности, возникающие при переводе модальности англоязычного художественного текста на русский язык.

Ключевые слова: модальность, функция, модальные глаголы, модальные слова, реальность, перевод.

ARZHANOVA I. A., LYURTYAEVA G. R.
MEANS OF EXPRESSING MODALITY IN ENGLISH FICTION TEXT:
FUNCTIONAL AND TRANSLATION APPROACH

Abstract. The article considers various means of expressing modality in an English fiction text. In this connection the novel "The Lord of the Rings" by J.R.R. Tolkien is analyzed. Special attention is paid to the grammatical means of expressing modality, namely the modal verbs and their functions in the sentence. The difficulties of translating the modality of an English fiction text are revealed.

Keywords: modality, function, modal verbs, modal words, reality, translation.

В лингвистической литературе модальность – это семантическая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию его высказывания, целевую установку речи, отношение содержания высказывания к действительности. Категория модальности является языковой универсалией и выделяется в качестве одной из основных категорий языка [4]. В условиях глобализации и возрастающей роли межкультурной коммуникации становится важным не столько знание иностранного языка, сколько умение решать проблемы связанные с восприятием и пониманием сущности его языковых единиц носителями иностранных языков, особенно если принять во внимание неизбежное столкновение языковых картин мира. Наиболее остро подобные проблемы отражаются при выражении модальности, чем обусловлена актуальность ее изучения. По мнению большинства лингвистов, в английском языке не существует лексико-грамматической категории, которая в процессе перевода представляла бы больше трудностей, чем категория модальности.

В отечественной лингвистике принято выделять два типа модальности: объективную и субъективную. Подобная классификация встречается в работах В. В. Виноградова, Б. Н. Бондаренко, В. З. Панфилова. В рамках теории и практики перевода мы сталкиваемся, прежде всего, с передачей субъективной модальности, которая выражает отношение говорящего к окружающей действительности в плане осуществимости или не осуществимости действия (реальность или нереальность). Субъективная модальность связана с категорией времени и разделяется на два типа исходя из временной определенности или неопределенности. Таким образом, значение времени и значение реальности неразрывно связаны и в своей совокупности образуют модальное значение [7]. В этой связи категория модальности включает в себя:

- противопоставление значений высказываний исходя из коммуникативной цели;
- отражение градации значения высказываний от реальности к ирреальности;
- отражение различий в степени уверенности говорящего относительно того или иного явления действительности;
- отражение изменений связи в предложении между подлежащим и сказуемым [5].

Изучив разные подходы к трактовке и исследованию категории модальности отечественными и зарубежными лингвистами, мы столкнулись с тем, что в самом определении модальности существуют значительные расхождения. С другой стороны, исследователи, которые занимались данной проблематикой, согласны с тем, что модальность, реализованная в виде формы глагола, глагольного сочетания или модального наречия, является обязательной синтаксической категорией любого предложения, необходимой для выражения точки зрения говорящего на степень осуществления действия или состояния в рамках предположительного, желательного, возможного, реального или нереального невозможного. Модальность выражает отношение между сообщением и отношением к его реальному осуществлению, устанавливаемое говорящим лицом. Можно сказать, что модальность – это своего рода «душа» предложения, а значит, она присуща любому высказыванию.

К основным способам выражения модальности в английском языке относят грамматические, лексические и синтаксические способы. Грамматические средства выражения модальности включают в себя:

- 1) модальные глаголы (can, must, may, should, ought to, would);
- 2) многофункциональные глаголы, выполняющие, в том числе, функцию модальных глаголов (shall, should, will, would, need);
- 3) инфинитивные конструкции (Complex Subject);
- 4) формы наклонения (Indicative Mood, Imperative Mood, Subjunctive Mood).

Лексические средства выражения модальности, в свою очередь, включают в себя следующие компоненты: модальные слова и модальные словосочетания (of course, surely, in fact и др.); модальные частицы (yet, simply, just и др.).

К синтаксическим средствам выражения модальности относится такой стилистический прием как инверсия, а к интонационно-синтаксическим – интонация. Надо отметить, что при переводе на русский язык, переводчику не следует рассматривать интонацию как единственное средство выражения модальности. В английских текстах, даже художественных, интонационное ударение выражается графически – курсивом. Однако интонация в письменном тексте выражает утверждение, отрицание или вопрос, но не может выразить возможность, предположение, допущение с разной степенью уверенности. Поэтому в дальнейшем мы будем исходить из формы выражения модальности через модальные глаголы как наиболее универсального и характерного грамматического средства выражения модальности в английском и русском языках. В английском языке под модальными глаголами принято понимать вспомогательные глаголы, которые выражают ряд значений и оттенков значений – возможность, невозможность, реальность, нереальность, желательность, нежелательность, вероятность, невероятность и т.п. Модальные глаголы, как правило, дополняют смысл основного глагола. К модальным глаголам относят такие глаголы, как can / could, may / might, must, need, will / would, shall / should, ought to. Рассмотрим их употребление в романе «Властелин колец» современного английского писателя Дж. Р. Р. Толкина [6; 8].

Модальный глагол «can/could» (133 случая употребления в романе) – один из самых употребительных модальных глаголов в английском языке вообще и в романе в частности. Чаще всего данный глагол используется для выражения функции физической или умственной способности совершить действие. В романе Дж. Р. Р. Толкина данный глагол используется преимущественно для выражения реальной возможности: *And then we can celebrate our birthday-parties comfortably together.* Данный модальный глагол употребляется как в настоящем (*And then we can celebrate our birthday-parties comfortably together*), так и прошедшем времени (*Since he was lost in the dark without hope, and could neither go on nor back*). В остальных случаях модальный глагол «can» заменяется в тексте альтернативными модальными конструкциями, например, *to be able to*, обладающей свойством выражать любые временные формы: *The Ring will not be able to stay hidden in the Shire much longer.* При необходимости в прошедшем времени модальный глагол «could» используется в изъявительном наклонении для демонстрации предположительности и возможности совершения любого конкретного действия: *If that's being queer, then we could do with a bit more queerness in these parts.*

Модальный глагол «may/might» стоит на втором месте по частотности (72 случая) и употребляется, в основном, для выражения функции разрешения или возможности. В большинстве случаев данный модальный глагол, как и модальный глагол «can», употребляется в настоящем и прошедшем времени. При употреблении иных временных групп вместо «may» автор романа использует альтернативные варианты – «to be allowed to», «to be permitted» и др.: *But of them it is not permitted to speak*. Глагол «might» в сочетании с перфектной формой инфинитива употребляется для выражения возможности совершения действия, в которой говорящий не совсем уверен: *There might have been some grumbling about 'dealing locally', but that very week orders began to pour out of Bag End for every kind of provision, commodity, or luxury that could be obtained in Hobbiton or Bywater or anywhere in the neighbourhood*; или действия на грани совершения: *Watch your step! The staircase is so rickety. Last time I might have broken my neck*. В переводе на русский язык мы видим такие модальные слова как «может быть» или «возможно».

Модальный глагол «must» (51 случай употребления) стоит на третьем месте по частотности и употребляется в одной форме, как для выражения настоящего, так и будущего времени. Сочетание модального глагола «must» с перфектным инфинитивом используется в функции предположения, относящегося к прошлому в вероятности которого автор вполне уверен. В этих случаях мы видим перевод на русский язык такими модальными словами как: «должно быть», «скорее всего»: *The Gaffer is getting old, and more than a bit blind, and it must have been near dark when this fellow come up the Hill and found him taking the air at the end of our Row*. В случае, если предположение относится к будущему, мы видим такие модальные слова как «evidently» и «probably», которые переводятся на русский язык теми же лексическими средствами, а именно модальными словами «очевидно» и «вероятно». Для выражения других временных форм этот модальный глагол заменяется на альтернативные модальные эквиваленты «to be to», «to have to», «ought to», «to be compelled to» и др.

В контексте отрицания глагол «must» употребляется как «must not (mustn't)»: *I think that will do – but it must not be any later*. Если автору романа необходимо выразить предположение, и использовать модальный глагол «must» в функции вероятности совершения действия в отрицательном значении, мы видим его только в сочетании с такими глаголами как «fail» и «unable».

Модальная конструкция «have to» (16 случаев) употребляется во временах past, present и future. Конструкция «have to» употребляется в функции необходимости или обязательства: *But we have got to try and get there; and it won't be done by sitting and thinking*. Модальный глагол «ought to» (19 случаев) используется в функции логичного ожидания конкретного действия: *'Bill, my lad,' he said, 'you oughtn't to have took up with us'*.

Глагол «shall» (26 случаев употребления) в некоторых случаях передает ряд модальных значений, выступая в качестве модального глагола для выражения воли говорящего, приказа, обещания, угрозы, приглашения к действию, предсказания: *You shall go away with Mr. Frodo!* Глагол «should» выступает в романе как вспомогательный, так и модальный глагол. Как модальный глагол «should» (52 случая) употребляется для выражения совета, рекомендации, недоумения, удивления, упрёка, желания, намерения. Однако довольно часто экспрессивное начало данного модального глагола преобладает в художественном тексте над его семантическим значением. Так, модальный глагол «should» в следующем примере вроде бы использован в функции желания, готовности совершить действие, однако его экспрессивное значение явно преобладает здесь над смысловым: *If I had killed the real Strider, I could kill you. And I should have killed you already without so much talk.*

Модальный глагол «will» (10 случаев употребления) выражает предположение, при этом он выражает большую уверенность, чем модальные глаголы «should» или «would». Глагол «will» также встречается для выражения функции желания, намерения, склонности, возможности или неизбежности совершить действие: *Very good: I will go east, and I will make for Rivendell.*

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что герои романа не только обмениваются информацией, но с помощью модальных глаголов и их эквивалентов выражают свое отношение к действию или состоянию, тем самым передавая все присущие модальности оттенки: возможность, вероятность, долженствование, предположение, неуверенность, пожелание, распоряжение и т.д. Учитывая функционально-семантические особенности модальных глаголов, было выявлено, что основные функции и смысловые оттенки модальных глаголов в косвенной речи остаются неизменными, однако заметно сужается диапазон их возможных функциональных применений.

Таким образом, многофункциональность и многообразие оттенков значения модальных глаголов и их эквивалентов является причиной трудностей, возникающих при переводе модальности англоязычного художественного текста на русский язык. В целом, английская модальность может передаваться на русский язык теми же средствами, что и в языке оригинала, другими средствами, или не находить формального выражения в языке перевода вовсе. Меньше всего трудностей в переводе представляют случаи, когда модальность передается одинаковыми средствами: модальными глаголами, модальными словами или частицами. Тем не менее, далеко не всегда удастся отразить в переводе дополнительную эмоционально-экспрессивную нагрузку, которую модальные глаголы приобретают в той или иной речевой ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржанова И. А. Дискурсивная функция высказывания в функциональном аспекте // Вестник Мордовского университета. – 2008. – № 3. – С. 117–118.
2. Аржанова И. А. Лингвопоэтические особенности англоязычного художественного текста // Язык, культура, коммуникация: контексты современности. – Саранск, 2000. – С. 26.
3. Аржанова И. А. Эллиптические и усеченные предложения в системе средств речевой компрессии // Филологические заметки. – Саранск, 1999. – С. 9–12.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
6. Официальный ресурс, посвященный творчеству Дж. Р. Р. Толкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tolkien.su/> (дата обращения 01.02.2020).
7. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения. – М.: Наука, 1977. – 112 с.
8. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. – London: HarperCollins Publishers, 2012. – 448 p.

ШУГАЕВА А. С.

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК МЕХАНИЗМ ТЕКСТОПОСТРОЕНИЯ

Аннотация. В данной статье анализируются различные теоретические подходы к определению дискурсивных маркеров как инструмента текстопостроения. В этой связи представлены некоторые классификации дискурсивных маркеров, созданные российскими и зарубежными лингвистами. Кроме того, автор демонстрирует механизмы реализации когезии и когерентности текста посредством дискурсивных маркеров.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, текстопостроение, когезия, когерентность.

SHUGAEVA A. S.

DISCOURSE MARKERS AS TEXT ORGANISATION UNITS

Abstract. This article aims at analyzing various theoretical approaches to defining discourse markers as an instrument of text organization. In this connection some of the classifications of discourse markers are considered. Moreover, the author demonstrates the mechanisms of realization of text cohesion and coherence by means of discourse markers.

Keywords: discourse markers, text structure, cohesion, coherence.

Большим пространством для исследования в области лингвистики является текст и его строение. Текст, как в устной, так и в письменной форме, является средством для передачи информации, и от того, насколько эффективно он построен, зависит успешность его последующего понимания. Одним из обязательных свойств текста как целостного речевого произведения является наличие структуры, которая, как правило, состоит из зачина, развертывания мысли и концовки [1]. В зарубежной лингвистике термину «текстопостроение» эквивалентны понятия «text organization» (организация текста) и «text structure» (структура текста): Text structure refers to how the ideas in a text are interrelated to convey a message to the reader... Text structure specifies the logical connections among ideas and the subordination of some ideas to others [2, с. 319].

Для эффективного построения текста, в особенности в научном дискурсе, используются различные механизмы, одним из которых являются так называемые дискурсивные маркеры. Они структурируют мысли, делая из набора предложений связную логическую последовательность. Многие исследователи сходятся на том, что главной функцией дискурсивных маркеров является выражение связи между сегментами дискурса. Иными словами, дискурсивные маркеры, обеспечивая смысловую цельность в организации текста, обеспечивают тем самым и его связность на глобальном (когерентность) и локальном (когезия) уровне. На глобальном уровне подразумевается использование дискурсивных

единиц, указывающих на начало темы, развертывание мысли и ее завершение. Что касается локального уровня, то под ним понимается связь в пределах одного предложения.

Стоит отметить, что подходы к определению дискурсивных маркеров различаются, в связи с этим отмечается значительная вариативность при их обозначении в зарубежной лингвистике – *discourse markers*, *discourse connectives*, *discourse operators*, *pragmatic connectives*, *sentence connectives*, *cue phrases* и т.д. Рассмотрим наиболее известные определения дискурсивных маркеров.

Американскому лингвисту Д. Шиффрин принадлежит первая детализированная работа по анализу дискурсивных маркеров, которым она дала именно такое название. Изучая определенные маркеры в устных разговорных текстах с позиции теории дискурса, лингвист определяет их следующим образом: *sequentially dependent elements which bracket units of talk* [3]. Модель дискурса по Д. Шиффрин состоит из пяти «уровней речи» (*planes of talk*), в которых дискурсивные маркеры выполняют интегративную функцию, связывая их. Помимо сочинительных и подчинительных союзов (*and*, *but*, *because*) и темпоральных наречий (*now*, *then*), она относит к дискурсивным маркерам и невербальные дискурсивные маркеры (*oh*, *well*, *y'know*), считая, что они также выполняют интегративную функцию.

В отличие от Д. Шиффрин, Дж. Редкер называет дискурсивные маркеры «*discourse operators*», подразумевая под ними «*words or phrases ... that is uttered with the primary function of bringing to the listener's attention a particular kind of linkage of the upcoming utterance with the immediate discourse context*» [4]. Рассматривая данные дискурсивные операторы как средство связности дискурса, Дж. Редкер предлагает на смену модели Шиффрин свою усовершенствованную модель дискурса и тем самым определяет лексические единицы, которые не могут называться дискурсивными операторами: придаточные указатели (*for example*, *as I said before*, *this is so*), дейктические выражения, если не используются анафорически (*now*, *here*, *today*), а также именные словосочетания (*noun phrases*).

Б. Фрейзер также называет данные лексические единицы дискурсивными маркерами и определяет их как «*a pragmatic class of lexical expressions drawn primarily from the syntactic classes of conjunctions, adverbs, and prepositional phrases*» [5]. В отличие от Д. Шиффрин, Б. Фрейзер сфокусировался на грамматическом статусе дискурсивных маркеров, поэтому включает в их число только лексические выражения. Иными словами, он исключает усилительные частицы (*even*, *only*, *just*) и междометия (*Hmm*, *Well*, *Oh* и т.д.) из разряда дискурсивных маркеров.

Интересна позиция английского лингвиста Д. Блейкмор насчет дискурсивных коннективов (*discourse connectives*) [6]. В отличие от Б. Фрейзера, который рассматривал дискурсивные маркеры как лексические выражения с позиции грамматики, Д. Блейкмор,

изучая релевантность высказывания, предположила, что дискурсивные маркеры не имеют денотативного значения. Напротив, они имеют только процедурное значение (*procedural meaning*), поэтому мы не можем говорить о них как о полнозначных словах.

Л. Шоурап высказывает свою позицию по дискурсивным частицам (*discourse particles*) [7]. Выбор именно этого термина он обосновывает его нейтральностью, независимостью от выполняемых дискурсивными единицами функций и грамматической принадлежности. Самое главное, по его мнению, что термин «*discourse particles*» подчеркивает его принадлежность дискурсу, не более того. В противоположность Д. Шиффрин, Л. Шоурап также высказывает сомнение о принадлежности единиц *because, then, and* к дискурсивным маркерам, считая, что они являются лишь грамматическим средством для соединений высказываний.

Не только зарубежные исследователи предпринимали попытки дать определение дискурсивным маркерам, они активно изучались и продолжают изучаться также и российскими лингвистами. Согласно Л. М. Болсуновской, Ю. А. Зеремской и Н. В. Дубровской, дискурсивные маркеры представляют собой «средства, обеспечивающие грамматическую и смысловую цельность дискурса, организующие смысловую связность его единиц» [8]. Таким образом, они дают определение с позиций функций, которые выполняют маркеры в рамках дискурса.

М. В. Каменский, в отличие от предыдущих исследователей, именуется интересующие нас единицы дискурсивными маркерами, которые с точки зрения когнитивного подхода представляют собой «языковые элементы, несущие процедурное значение в дискурсе и регулирующие дискурсивное поведение участников коммуникативного акта» [9].

Все дефиниции, представленные выше, имеют общее значение, но их нельзя назвать синонимичными и взаимозаменяемыми. Суть каждого из них сводится к тому, что дискурсивные единицы в основе своей являются связующими элементами. Однако в связи с разницей подходов к рассмотрению дискурсивных единиц, у представленных определений есть и различия. В целом, они связаны с тем, что лингвисты по-разному подходят к вопросу отнесения тех или иных единиц к дискурсивным маркерам.

Рассмотрев различные наименования данного термина, мы можем предположить, что именно наименование «дискурсивный маркер» точно передает содержание данного понятия. Действительно, данные лексемы используются в качестве сигналов, которые словно помечают, или «маркируют» текст, выполняя при этом ряд функций. Более того, нельзя не отметить, что именно понятием «дискурсивный маркер» чаще всего оперируют лингвисты в научных трудах.

Раскрытие понятия «дискурсивный маркер» подразумевает не только рассмотрение его различных определений, но и изучение его классификации.

Б. Фрейзер [10] приводит достаточно обширную классификацию дискурсивных маркеров, подразделяя их на два больших класса. Первый класс включает в себя те дискурсивные маркеры, которые связывают идеи в пределах одного абзаца (*messages*). Их он подразделяет на контрастирующие (*contrastive*) – *whereas, however, in comparison, nevertheless etc.*; вспомогательные (*collateral*) – *also, besides, in addition, similarly etc.*; умозаключающие (*inferential*) – *accordingly, as a result, it can be concluded that, therefore etc.* и т.д. Ко второму классу относятся дискурсивные маркеры, которые связывают абзацы (*topics*) в пределах текста: *to return to my point, back to my original point, before I forget, by the way, incidentally, just to update you, on a different note, speaking of..., to change to topic, to return to my point, , with regards to* и т.д.

М. Свон в своем грамматическом справочнике «*Practical English Usage*» дает упрощенное определение дискурсивных маркеров: *words and expressions which help to structure spoken exchanges and written text* [11, с. 284]. Он предлагает классификацию, основанную на трех функциях, выполняемых дискурсивными маркерами в тексте:

- introducing or clarifying a topic, and showing divisions and changes of topic;
- showing the type of communication that is going on;
- showing a writer's attitude to what they're saying.

К первому классу М. Свон отнес такие маркеры, как *talking of, first of all, in conclusion* и т.д. Второй класс представлен такими дискурсивными маркерами, как *in general, therefore, similarly, nevertheless* и т.д. К третьему классу он причислил *honestly, in my opinion, anyhow, in other words*.

Кембриджский словарь определяет дискурсивные маркеры как «*words and phrases that we use to connect, organize and manage what we say or write or to express attitude*» [12]. В нем классы выделяются на основе связующей функции, которую дискурсивные маркеры выполняют в речи:

- организующие то, что мы говорим (*in general, in the end, okay, right etc.*);
- контролирующие то, что мы говорим (*I mean, you know, actually etc.*);
- служащие в качестве однозначных ответов (*certainly, I see, exactly, all right etc.*);
- определяющие отношение говорящего (*frankly, surprisingly, if you ask me, basically etc.*);
- делающие фразу менее прямолинейной (*perhaps, maybe, kind of, apparently etc.*);
- междометия эмоционального выражения (*Oh! Gosh! Yippee! Oh no! Yuck!*)

Примечательно, что в качестве седьмого класса дискурсивных маркеров в Кембриджском словаре отдельно выводятся такие, как *um* и *erm*. Согласно источнику, они используются для «осторожного» введения новой темы. Следовательно, можно заключить, что и в работах Д. Шиффрин, и в Кембриджском словаре понятие «дискурсивный маркер» рассматривается более в рамках устного дискурса.

Таким образом, мы наблюдаем, что на сегодняшний момент не существует единой классификации дискурсивных маркеров. Каждый исследователь, изучающий данную тему, классифицирует маркеры с позиций разных аспектов. В этом и заключается многогранность изучения дискурсивных маркеров в области лингвистики.

Как уже говорилось выше, в научном тексте дискурсивные маркеры являются одним из основных механизмов, осуществляющим когезию и когерентность. По мнению О. В. Казаченко, когезия представляет собой «линейную внутреннюю организацию текста посредством различных средств языка» [13, с. 89]. Иными словами, когезия является структурной связностью элементов текста, то есть на уровне отдельных предложений, абзацев. Когезия достигается только средствами языка, а конкретно – грамматическими и лексическими средствами. К последним будут относиться вышеупомянутые дискурсивные маркеры. Например:

(1) *Whether they are called discourse markers, discourse connectives, discourse operators, or cue phrases..., the expressions under discussion share one common property: they impose a relationship between some aspect of the discourse segment they are a part of... **In other words**, they function like a two-place relation...* [5, с. 938];

(2) *I will argue that certain instances of ... do not in fact function as discourse markers. **Conversely**, the exclusion of all adverbial uses of now and then seems too restrictive, as anaphoric uses of these adverbs do establish coherence links* [4, с. 1139];

(3) *Even within reading research, specification of text structure may serve several purposes, as described above. **For example**, Meyer's system (1975) was designed to provide a hierarchical description of text in a manner suitable for scoring recall protocols for information remembered, while Dawes (1966) and Frederiksen (1975) were more interested in memory storage of logical relationships* [3, с. 321].

Перейдем к рассмотрению понятия «когерентность». По мнению М. И. Степановой, под ней стоит понимать «согласованность и логическую связанность на смысловом уровне» [14, с. 233]. В отличие о когезии, данный вид связности уже характерен для всего текста, в нем помимо грамматических и грамматических средств большое значение имеют фоновые знания и стилистическое соответствие употребляемых слов. Именно поэтому этот тип связности можно назвать содержательным. Действительно, когерентность позволяет сделать

из набора правильно и грамотно составленных предложений и отдельных абзацев логико-семантическое целое, что в результате получается смысловым текстом. В этой связи, когерентность текста оказывается шире когезии и ее можно рассматривать как совокупность разных видов когезии: лексической, стилистической, синтаксической и т.д. Рассмотрим следующие примеры для иллюстрирования когерентности:

(4) *From this discussion I think it is clear that a DM does not 'display' a relationship as Schiffrin (1987) would have it, any more than a verb displays a relationship between a subject and object* [5, с. 942];

(5) *In concluding, I will propose a revised version of the model, in which three components of coherence will be distinguished and defined, along with an attempt to define operationally the general class of discourse operators as linguistic signals of textual-coherence links* [4, с. 1139];

(6) *A second problem for reading researchers often is to identify...Furthermore, such an analysis and scoring procedure can be used to evaluate variations between the text and the reader's understanding of it...* [2, с. 320].

Когерентность является обязательным критерием, по которому текст отличается от «не-текста». Когерентность же, в свою очередь, напрямую зависит от эффективной когезии: The principal thesis on which the theory of text-building is founded states the following: a text does not exist without text coherence. <...> ...we can claim that both text cohesion and text coherence deal with interrelated text elements: in a text interpretation of an element is based on its relation to other elements [15, с. 195].

Подводя итог, мы можем сказать, что на данный момент дискурсивные маркеры как механизм текстопостроения продолжают оставаться важным функциональным классом единиц дискурса. Мы пришли к выводу, что к данным элементам дискурса больше применимо название именно «маркеры», так как именно это наименование точно отражает его функциональное содержание. Более того, мы убедились, что помимо общепринятого термина нет и унифицированной классификации данных языковых единиц, что делает их большим пространством для исследований в рамках теории англоязычного и русскоязычного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Л. В., Дементьева В. В. Текст и его основные признаки [Электронный ресурс] // Курс русского языка. Русский язык и культура общения. – Режим доступа: https://licey.net/free/4-russkii_yazyk/41-kurs_russkogo_yazyka_russkii_yazyk_i_kultura_obscheniya/stages/4225-temy_razdela_7__tekst_i_ego_osnovnye_priznaki_.html (дата обращения 10.04.2020).

2. Meyer B. J. F., Rice, G. E. The structure of text // Handbook of reading research, 1984. – P. 319–351.
3. Schiffrin D. Discourse markers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 374 p.
4. Redeker G. Linguistic markers of discourse structure // Linguistics. – 1991. – 29(6). – P. 1139–1172.
5. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. – 1999. – No. 31. – P. 931–952.
6. Blakemore D. Semantic constraints on relevance. – Oxford: Blackwell, 1987. – 160 p.
7. Schourup L. C. Common discourse particles in English conversation. – The Ohio State University, 1983. – 127 p.
8. Болсуновская Л. М., Зеремская Ю. А., Дубровская Н. В. Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вестник ТГПУ. – 2015. – №4 (157). – С. 117–121.
9. Каменский К. В. Дискурсивные маркеры как когнитивное средство создания контраста в дискурсивном взаимодействии // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – №1 (54). – С. 53–56.
10. Fraser B. Types of English discourse markers // Journal of Pragmatics. – 1990. – No.14(3). – P. 383–398.
11. Swan M. Practical English Usage (4th edition). – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 654 p.
12. Cambridge Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/discourse-markers-so-right-okay>.
13. Казаченко О. В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 8. Ч. 2. – С. 88–90.
14. Степанова М. И. Когезия и когерентность как основополагающие характеристики публицистического дискурса // Вестник СамГУ. – 2009. – № 73. – С. 230–234.
15. Gafiyatova E. V., Korovina I. V., Solnyshkina M. I., Yarmakeev I. E. Deictic Elements as Means of Text Cohesion and Coherence in Academic Discourse // Journal of Social Studies and Education Research. – 2017. – No. 8(3). – P. 190–200.

НИКОНОВА Е. В.

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ
ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ**

Аннотация. В статье обосновывается необходимость изучения закономерностей использования прецедентных феноменов в названиях компьютерных игр. На материале англоязычных названий компьютерных игр жанра «hidden object» выявляется такая функция прецедентных феноменов, как конструирование виртуальной реальности.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прагматика, язык компьютерных игр, новые медиа, топонимы, имя собственное.

NIKONOVA E. V.

**PRECEDENT PHENOMENA AS TOOL FOR ENGLISH COMPUTER
GAME VIRTUAL REALITY CONSTRUCTION**

Abstract. The article demonstrates the need for studying the usage regularities of precedent phenomena in the names of computer games. Considering the English names of computer games of the hidden object genre, the author reveals such function of the precedent phenomena as a tool for virtual reality construction.

Keywords: precedent phenomena, pragmatics, language of computer games, new media, toponyms, proper name.

В своей работе мы считаем возможным использовать определение понятия «прецедентный феномен», данное в работе Н. М. Золотарева с опорой на впервые употребленный Ю. Н. Карауловым термин «прецедентный текст» [7, с. 216] и различные трактовки этого понятия другими учеными [8]. Под прецедентными феноменами подразумеваются «целостные единицы коммуникации, объективирующиеся в речи через апелляцию к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью как для отдельно взятой языковой личности, так и для всего лингвокультурного сообщества в целом» [5, с. 42].

С. Н. Должикова называет аналогичные признаки прецедентных феноменов, замечая, что им свойственны не только известность всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, актуальность в когнитивном плане и постоянная возобновляемость в речи, но и необязательность словесного выражения: «Фрагменты кинофильмов в репортажах – также являются прецедентными феноменами» [4, с. 19]. Это утверждение позволяет рассматривать как объект исследования не только текстовую составляющую

компьютерных игр, но и визуальную, однако в данной работы мы сосредоточимся на языковом компоненте компьютерной игры.

В нашем исследовании используется следующая классификация прецедентных феноменов:

- прецедентный текст – ранее созданное целостное речевое сообщение различной протяженности;
- прецедентное высказывание – ранее актуализированное предложение, хранящееся в памяти носителей языка в готовом виде;
- прецедентное имя – такое имя собственное, которое обладает выраженным интенционалом (набором свойств и качеств), отсылающим носителей языка к определенному референту (прецедентной личности);
- прецедентная ситуация – ситуация прошлого, хранящаяся в памяти носителей языка в силу своей способности отражать как негативные, так и положительные ценности и использоваться для описания ситуаций реальной действительности [5, с. 43].

К прецедентным феноменам П. С. Артемьева считает возможным также отнести прецедентные артефакты, прецедентные образы, прецедентные символы и прецедентные обряды/верования/традиции/ритуалы/народную мудрость [1].

Для исследования прецедентных феноменов в названиях компьютерных игр существует ряд предпосылок. Во-первых, недостаточная исследованность компьютерных игр в целом, и как отдельного жанра художественного творчества [10], и как одного из видов «новых медиа», актуальность изучения которых обоснована развитием цифровых технологий. Так называемые «новые медиа» характеризуются следующими признаками:

- конвергенцией (слиянием отличных по природе или жанровой принадлежности средств массовой информации в единое целое) [9, с. 2];
- мультимедийностью (транслирование информации по нескольким коммуникационным каналам одновременно: например, аудиоканалу и видеоканалу);
- дигитализацией (переводом данных в цифровой формат);
- интерактивностью, которую можно описать как возможность взаимодействия с репрезентацией материала, определить ее качественный и количественный вывод, а также «организовывать коммуникацию в системе правил, разработанных с учетом индивидуального запроса» [2, с. 60].

Сформулированное И. Е. Гутманом определение учитывает все свойства новых медиа и подтверждает гипотезу о принадлежности компьютерных игр к новым медиа (*курсив наш – Никонова Н. Е.*): «Виртуальная компьютерная игра суть совокупность графических кадров, обладающая большинством характеристик понятия «игра» и большинством структурных

элементов искусства (*конвергенция*), репрезентированная через интерактивный компьютерный интерфейс высокого уровня (*дигитализация*) и включающая симуляцию в реальном времени и взаимодействие (*интерактивность*) с реципиентом через множественные сенсорные каналы (*мультимедийность*)» [3, с. 13].

Кроме того, в рамках любой компьютерной игры строится особая модель виртуальной реальности – как на мониторе с помощью изобразительных средств, так и в сознании игрока не в последнюю очередь за счет текстовой составляющей, а название является одним из текстовых элементов, настраивающих на восприятие определенной информации.

Игры также являются одним из культурно-массовых феноменов, отчасти определяющих мировоззрение значительной части современного общества, поэтому представляется интересным выяснить, какие прецедентные единицы и каким образом формируют как реальность компьютерной игры, так и картину мира игроков. В. Н. Иноземцева, исследуя прецедентные феномены как лингвистические маркеры заголовка англоязычных поэтических произведений для детей, замечает, что номинативная функция является ключевой для заголовка, поскольку он передает содержательно-смысловую информацию адресату и обладает определенным прагмалингвистическим потенциалом, который усиливает прагматическое воздействие текста, в частности – формирует интерес к произведению [6]. Однако нам представляется, что название компьютерной игры, которое можно воспринимать и как заглавие художественного произведения, обладает и другими функциями.

Нами был исследован массив из 1500 названий компьютерных игр жанра «hidden object», одного из подвидов казуальных игр – коротких сюжетных квестовых (приключенческих) игр, занимающих в среднем пять-шесть часов игрового времени. Сцены взаимодействия с игровым пространством сменяются окном «поиска предметов» – когда на картинке надо найти все перечисленные в списке под ней предметы. Выбор материала обусловлен тем, что, по нашему мнению, на примере этих игр прослеживается большинство общих для всех жанров компьютерных игр тенденций, в том числе и способов отображения реальности. Кроме того, названия игр жанра «hidden object», в отличие от игр других жанров, в среднем состоят из трех-пяти слов (а не одного-двух в других жанрах), что дает больше информации для изучения.

В созданном для изучения списке мы обнаружили 241 название, включающее в себя какой-либо прецедентный феномен, это количество составляет 16% от корпуса исследования. Нами были выявлены следующие закономерности.

Большинство прецедентных феноменов представлено прецедентными именами (именами собственными – в 46%, топонимами – 32%) и прецедентными ситуациями (18%).

Доля прецедентных высказываний составляет менее 1%. Например, в названии игры «Once Upon a Farm» обыгрывается речевая формула «once upon a time», типичная для начала английской сказки, а в названии «Film Fatale: Lights. Camera. Madness» точно так же с помощью игры слов создается отсылка к понятию «femme fatale». Названия, так или иначе перекликающиеся со сказочными мотивами, весьма частотны, но в основном ассоциация со сказкой создается не за счет прецедентных высказываний, а за счет употребления прецедентных имен, а именно – имен сказочных персонажей: «Cruel Games: **Red Riding Hood**», «**Bluebeards** Castle: Son of the Heartless», «**Alice** in Wonderland», «Dark Parables: Curse of **Briar Rose**», «Fearful Tales: **Hansel and Gretel**», «Fabled Legends: **The Dark Piper**», «Christmas Stories: **Nutcracker**».

Следует отметить, что уже на примере названия в половине случаев заметна попытка либо деконструкции известного сказочного мотива (употребленное сочетание «cruel games» с именем Красной Шапочки, Темным Дудочником называют крысолова из Гамельна), либо его нового прочтения (предположения, что у Синей Бороды был сын). И, в первую очередь, этот аспект призван вызвать интерес игрока, но одновременно также выстраивает определенную модель игровой реальности – реальности сказки или предания, которая творчески преобразуется в процессе игры.

Ту же функцию выполняют и имена героев мифов: «Serpent of **Isis**», «**King Arthur**», «Journalist Journey: The Eye of **Odin**», «Haunted Train: Spirits of **Charon**». Обращение к мифологическим и религиозным мотивам встречается и в играх других жанров, например, в игре «Ramali» – полностью посвященной индонезийскому фольклору, или «Year Walk» – повествующей о норвежских народных верованиях и традициях. Но употребление имен собственных известных персонажей в названиях там встречается значительно реже, в основном упоминаются прецедентные понятия, ссылающиеся на прецедентные ситуации, а в случае с игрой «Arsulov» наблюдается ссылка на одну из песен Старшей Эдды, Voluspa (Песнь вельвы), но только если прочитать не слева направо, а справа налево. Мифологические и обрядовые прецедентные единицы в играх жанра «hidden object» представлены в основном Рождеством (53% от упоминаний праздников), Хэллоуином (20%), Пасхой (15%) и Днем Мертвых, отмечающимся в Мексике (12%), из чего можно заключить, что средний пользователь подобных игр ориентирован в основном на европейские традиции, как и создатели игры.

Остальные фольклорные элементы упоминаются весьма ограниченно – наиболее употребляемым понятием в названиях в этой категории являются вампиры («Vampire Legends: The True Story of Kisilova», «Vampire Saga: Pandora's Box»), в том числе граф Дракула, вошедший в массовую культуру образ вампира («The Dracula Files», «Dracula: Love

Kills»). Данный факт позволяет сделать заключение об унифицированности и глобализованности реальности компьютерных игр, где крайне редко используются национально-специфические понятия, даже известный во всем мире культ вуду («Voodoo Chronicles: The First Sign»). Создатели компьютерной игры стремятся к массовому охвату определенной аудитории и потому используют широко известные образы и символы. Говоря о последних, можно отметить и использование слова «Redrum» (murder) в названии игры «Redrum: Dead Diary». Это слово появилось в массовом сознании благодаря роману ужасов С. Кинга «Сияние», и эта лексическая единица включена в Национальный корпус английского языка (iWeb corpus) на примере текстов, ссылающихся на упомянутый роман.

В названиях игр других жанров относительно редко встречаются имена собственные исторических личностей или названия литературных произведений. Однако для жанра «hidden object» их употребление типично и позволяет установить жанровые предпочтения и интересы аудитории. В первую очередь, это история Древнего Египта и Европы («Curse of the Pharaoh: Napoleons Secret», «Columbus. Ghost of the Mystery Stone», «Emily Archer and the Curse of Tutankhamun», «Tesla's Tower: The Wardencllyffe Mystery»). В литературных предпочтениях лидируют интерпретации авторами текста игры детективов и загадочных историй с мистической подоплекой: «Ms. Holmes: The Monster of the Baskervilles» (в этом случае наблюдается и новое прочтение известной истории и смена пола персонажа), «Victorian Mysteries: Woman in White», «Dark Tales: Edgar Allan Poe Murders in the Rue Morgue», «Dr.Jekyll and Mr.Hyde: The Strange Case».

Возможно употребление названий детективных сериалов («Derrick: Murder in the Flower Bed», «Murder She Wrote: Return to Cabot Cove») или популярных сериалов («Coronation Street: Mystery of the Missing Hotpot Recipe»), но их доля крайне мала в общем массиве (1,5%).

Топонимы в названиях компьютерных игр, делятся на две равные группы – существующие названия и вымышленные. Реальные географические названия указывают на место действия, и часто в играх такого плана используются визуальные образы, представляющие определенные города в массовом сознании. Показательным примером наиболее популярных городов является серия «Big City Adventure», в основу визуального ряда которой легли образы столиц или крупных городов – Сиднея, Нью-Йорка, Ванкувера, Лондона, Парижа, Токио, Рио-де-Жанейро, Стамбула, Барселоны, Рима и Шанхая. Уже из этого перечисления видно, что преобладают европейские столицы, но необходимо заметить, что в общем массиве одинаково распространены как названия европейских, так и американских городов: «City Sights: Hello, Seattle!», «Adventure Trip: London». Могут

присутствовать и названия менее крупных, но известных географических объектов: «Amulet of Time: Shadow of La Rochelle».

Однако намного чаще в названиях игр употребляются вымышленные топонимы, некоторые из которых могут быть прецедентными для определенных социально-культурных общностей. Носителю английского языка, например, будет понятна этимология слова «Howlville» (составляющей названия игры «Howlville: The Dark Past»), и он станет ожидать историю про оборотней или некое воющее создание (от англ. howl – выть). Название «Cursed Memories: The Secret of Agony Creek» тоже вызывает мрачные ассоциации с чем-то мистическим не в последнюю очередь за счет слова «agony». А в названии «Ghost Towns: The Cats of Ulthar» соединено сразу два прецедентных понятия – города-призраки (известные всем носителям языка) и название города из рассказа Э. По «Кошки города Ультар». Оба понятия не противоречат друг другу по смыслу и создают представление о мистической истории, возможно, с элементами жанра «ужасов».

Еще один способ указать на место действия компьютерной игры и на ее жанровую принадлежность – использование в названии вымышленных наименований отдельных объектов, не являющихся достопримечательностями. Последние являются прецедентными исключительно для игроков благодаря предыдущему опыту. Например, словосочетание «психиатрическая лечебница» настраивает игрока на жанр ужасов «Abandoned: Chestnut Lodge Asylum», а понятие «поместье» может иметь две равнозначные трактовки – и как место преступления в виртуальной реальности, стилизованной под настоящую («Dead Reckoning: Brassfield Manor»), и как место действия, выбранного для реализации мистического сюжета («Fear For Sale: Mystery of McInroy Manor»).

Говоря о прецедентных ситуациях, указания на которые довольно многочисленны в названиях игр, стоит отметить, что они в подавляющем большинстве являются прецедентными для всех носителей языка и культурного кода: серия игр «Dream Day: Wedding» посвящена подготовке к свадьбе в различных городах; игра «Family Mystery: The Story of Amy» повествует о расследовании истории семьи; в игре «Final Cut. Encore» затронута тема киноиндустрии; названия «Contract with the Devil» и «Dance of Death» ссылаются на религиозные представления. Но и здесь присутствуют специфические отсылки на «городские легенды» (один из поджанров «ужасов», речь в котором идет об исключительно городских и современных историях – «Urban Legends: The Maze») или страшные истории, рассказанные у костра («Bonfire Stories: Heartless»).

Таким образом, прецедентные феномены в названиях компьютерной игры создают определенную модель реальности в сознании игрока за счет обращения к известным для него фактам (историческим персоналиям, географическим названиям, ритуалам или

прецедентным ситуациям). При этом существует три основные модели реальности компьютерной игры, на которые указывает название: видоизмененная сказочная вселенная; реальная действительность, а также реальность литературного произведения, на фоне которой разворачивается детективный сюжет; игровая вселенная с ярко выраженной мистической составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева П. С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2016. – 163 с.
2. Ворошилова Е. С. Интерактивность как выразительное средство эстетических практик в условиях киберпространства // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2010. – № 332. – С. 59–62.
3. Гутман И. Е. Компьютерные виртуальные игры: культурно-антропологические аспекты анализа: дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 2009. – 193 с.
4. Должикова С. Н. Прецедентные феномены в английском языке // Научно-практический журнал Краснодарского филиала РГТЭУ «Сфера услуг: инновации и качество». – 2011. – Выпуск № 2. – С. 18–28.
5. Золотарев М. В. Лингвопрагматические особенности прецедентных феноменов в современном молодежном дискурсе (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2016. – 167 с.
6. Иноземцева Н. В. Прецедентные феномены как лингвистические маркеры заголовков англоязычных поэтических произведений для детей // Вестник ОГУ. – 2012. – № 11 (147). – С. 84–88.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – Вып. 2. – С. 5.
9. Хелемендик В. С. Конвергенция как современная форма взаимодействия СМИ // Проблемы современного образования. – 2013. – № 3. – С. 106–123.
10. Югай И. И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX – XXI веков: автореф. дис. ... канд. искусств. наук. – СПб., 2008. – 26 с.

СПИРИДОНОВА О. В.

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВОГО
ПРОСТРАНСТВА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-САЙТОВ ОТЕЛЕЙ**

Аннотация. В данной статье представлен анализ вербальных средств, образующих текстовое содержание немецкоязычных интернет-сайтов отелей. Рассматривается лингвопрагматический потенциал вербальных средств выразительности в плане их воздействия на потенциальных клиентов отелей.

Ключевые слова: немецкоязычный интернет-сайт отеля, вербальные средства выразительности, текстовое пространство, лингвопрагматический потенциал.

SPIRIDONOVA O. V.

**LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL OF VERBAL CONTENT
OF GERMAN-LANGUAGE HOTEL WEBSITES**

Abstract. The article provides an analysis of verbal means that make the verbal content of German-language hotel websites. The focus of the study is on the linguopragmatic potential of verbal expressive means in the context of their impact on potential customers.

Keywords: German-language hotel website, verbal expressive means, verbal content, linguopragmatic potential.

В последние десятилетия сфера туризма становится более перспективной и прибыльной на мировом рынке услуг. Одной из причин такой успешности стало развитие области гостеприимства за счет внедрения инновационных технологий, а именно, наличие и выгодное позиционирование интернет-сайта отеля. Соответственно, отсутствие веб-проекта отеля рассматривается целевой аудиторией как один из показателей низкого уровня компании независимо от качества услуг. Такого рода интернет-сайты создаются на разных языках, в том числе и на немецком. С целью привлечения большего числа потенциальных посетителей, создатели текстов интернет-сайтов отелей активно используют целый ряд лингвистических средств.

Поскольку содержание рекламного сообщения должно привлечь внимание покупателя к товару, рекламисты используют большой арсенал лексических, стилистических и грамматических средств при написании текстов для веб-сайтов немецкоязычных отелей. Наиболее частотными элементами текстового содержания данных сайтов являются, прежде всего, лексические языковые средства выразительности при всем своем многообразии, а также заимствования с других языков, в частности, англицизмы, т.е. заимствования из английского языка.

Начнем рассмотрение текстовой составляющей немецкоязычных веб-сайтов отелей непосредственно с англицизмов. Несомненно, вследствие усиленно развивающегося процесса глобализации и межкультурного взаимодействия заимствования из других языков, преимущественно английского, прочно входят в лексическую систему немецкого языка. Использование заимствований объясняется также внедрением современных технологий в сфере быта, когда в принимающем языке отсутствуют собственные языковые средства для создания лаконичного эквивалента нового понятия. Например, в текстовом фрагменте (1) используется англицизм «Flatscreen-TV», однако он подстраивается под грамматический строй немецкого языка при помощи неопределенного артикля «*einem*» в дательном падеже, тем самым обеспечивая процесс морфологической ассимиляции лексической единицы:

(1) *Die Hotelzimmer sind ausgestattet mit Schreibtisch, Safe, gratis WLAN sowie **einem Flatscreen-TV** und größtenteils mit Balkon oder Terrasse [7].*

Под морфологической ассимиляцией, согласно Н. А. Кулешовой, понимают «изменение грамматических характеристик перенимаемого иноязычного материала под влиянием норм и правил системы принимающего языка» [1, с. 115]. Более того, в данном примере наблюдается графическая ассимиляция, тенденция которой заключается в историческом принципе написания имени существительного с заглавной буквы в немецком языке. Хотелось бы также отметить, что для рассматриваемой в примере лексической единицы характерно колебание рода, поскольку Flatscreen-TV является существительным среднего рода, в то время как синонимом к общему наименованию TV выступает немецкий эквивалент Fernsehen мужского рода.

Продолжая рассматривать англицизмы в текстовом пространстве немецкоязычных интернет-ресурсов отелей, можем отметить заимствование большого количества прилагательных. Так, в следующем фрагменте (2) англицизм «*exklusive*» используется в качестве модного слова, привнося в текст семантическую вариативность, поскольку в немецком языке уже существует собственный синонимичный ряд слов.

(2) *Entspannen Sie sich in einem unserer **exklusiven** Zimmer [9].*

В данном примере, как и в текстовом фрагменте (1), также наблюдается процесс графической ассимиляции, однако несколько иной направленности, поскольку он охватывает изменение написания посредством замены в заимствовании фонемы, нехарактерной для немецкого языка. Так, английское слово «*exclusive*» подстраивается под графический образ немецкой лексики посредством замены буквы «с» на «к». Помимо этого, полученное прилагательное склоняется согласно немецким грамматическим традициям по родам, числам и падежам, в данном случае оно является прилагательным смешанного склонения дательного падежа единственного числа среднего рода.

Кроме англицизмов, характерной чертой текстового оформления немецкоязычных интернет-сайтов отелей является применение хрононимов, под которыми мы понимаем лексическое средство указания на хронологическую дату. Как известно, использование в тексте количественных данных повышают уровень авторитетности в глазах читателя. Следующая текстовая иллюстрация (3) содержит ссылку на длительное нахождение рекламируемого отеля на рынке туристических услуг, а именно, на ведении семейного гостиничного бизнеса на протяжении 150 лет, что является убедительным мотивом для потенциального клиента, ориентирующегося на надежность. Таким образом, хрононимы являются одним из эффективных вербальных средств, способных вызвать заинтересованность со стороны читателя, поскольку отель с многолетней историей, безусловно, привлечет внимание каждого путешественника:

(2) *Seit über 150 Jahren pflegt unser Familienbetrieb eine ganz besondere Tugend: die Gastfreundschaft* [5].

Успешную роль в создании лингвопрагматического потенциала немецкоязычных веб-сайтов отелей играет использование такого стилистического приема как сравнение. Особенно часто оно встречается на уровне ассоциаций, сравнивая атмосферу комнаты предлагаемого отеля с домашним уютом «*Zimmern wie zu Hause*», как можно заметить в следующем примере:

(4) *Fühlen Sie sich in den komfortabel eingerichteten Zimmern wie zu Hause* [6].

Умелые рекламисты берут за основу сравнения тот факт, что образ дома несет в себе внушительную силу, порождающую теплые воспоминания, ощущение приятного комфорта, защищенность и безопасность. Таким образом, ассоциативный подход при создании текстового описания интернет-сайтов отелей позволяет оказывать влияние на потенциальных посетителей на подсознательном уровне, апеллируя в первую очередь к эмоциям, и лишь потом к рациональному мышлению.

Следует обратить внимание на то, что еще одним стилистическим средством, часто используемым при составлении текстового пространства немецкоязычных веб-сайтов отелей, является использование вопросительных предложений, в особенности, риторических вопросов. Целью данного типа вопросов, как известно, является не получение ответа, а привлечение внимания и создание нужного впечатления. В самом риторическом вопросе заложен уже готовый ответ, от читателя требуется лишь сделать соответствующий навязанный вывод, что упрощает восприятие текста. Таким образом, риторический вопрос является по сути вопросом-ловушкой, который вовлекает читателя в размышления и заставляет его сделать заранее заготовленный «правильный» выбор.

(5) *Suchen Sie eine stadtmittige Unterkunft mit einer 4-Sterne-Qualität für einen Wohlfühlurlaub in Lam? Dann ist das Hotel Sonnenhof eine erstklassige Wahl* [6].

Как мы можем заметить в примере (5), за самим риторическим вопросом следует ответ, который должен возникнуть в сознании читателя еще до прочтения. При составлении данного текстового фрагмента его создатели ориентируются на возможные требования потенциальных посетителей относительно расположения отеля и количества звезд и заведомо закладывают данную информацию в последующем предложении.

Анализируя текстовое содержание немецкоязычных интернет-сайтов отелей, мы заметили тенденцию обращения к экспрессивному пласту лексики практически в каждом описании. Несомненно, с целью заверить читателей в достойном уровне предлагаемых услуг, в текстах преобладает положительная оценка, и важно отметить, что она в большинстве случаев преувеличена. В текстах описаний немецкоязычных веб-сайтов отелей она выражена как грамматическими средствами при помощи сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий, так и лексическими посредством усилительных наречий и частиц (*sehr, besonders, nur*), морфем с семантикой усиления качества (*super-, hoch-*), а также прилагательными, наречиями и существительными с семантикой высокого качества. Чтобы проиллюстрировать данное явление, следует обратить внимание, что в текстовом фрагменте (5) используется эмоционально-оценочное прилагательное «*erstklassige*» в качестве вербального средства на лексическом уровне. Посредством использования данного прилагательного со значением «первоклассный» осуществляется положительная самопрезентация отеля, и в сознании потенциального посетителя формируется образ богатого интерьера и качественного обслуживания клиентов.

Как было сказано ранее, одним из способов реализации гиперболизированной положительной оценки является использование превосходной степени прилагательных. Выбор данной грамматической категории прилагательных объясняется стремлением составителей текстов заверить читателей в индивидуальности отеля и качестве предоставляемых услуг, однако, без излишнего употребления, не вызывая у читателей недоверие. При помощи данной степени сравнения адресант намеревается усилить оказываемое манипулятивное воздействие на читателя. Несомненно, такое воздействие является эффективным, поскольку при выборе проживания любой потенциальный гость в первую очередь заботится о своих желаниях и потребностях, стараясь выбрать лучший вариант из всех возможных. Так, в текстовом фрагменте ниже встречается использование прилагательного «*feinste*» в превосходной степени, образуемой путем прибавления суффикса *-st* к основе слова:

(6) *Hier umgeben Sie viel Liebe zum Detail und **feinste**, alpenländische Naturmaterialien* [8].

В текстовом пространстве немецкоязычных веб-сайтов отелей можно также заметить использование такого лексического средства выразительности как фразеологизм – устойчивое сочетаний, целостный смысл которого не выводится из значения составляющих его компонентов [2, с. 67]. Использование фразеологизмов в тексте описания отеля основывается на сохранении вызываемых устойчивым образом смысловых и оценочных ассоциаций. Данное вербальное средство также способствуют улучшению запоминаемости отдельных фраз и восприятию всего рекламного текста, поскольку придает речи особенную выразительность и народно-разговорную окраску [3, с. 104]. Рассмотрим пример употребления фразеологизмов в текстовом блоке немецкоязычного веб-сайта отеля. Использование фразеологизма «*im Herzen (der Hauptstadt)*», дословный перевод которого звучит как «в самом сердце столицы», придает данному предложению живость и выразительность, избавляя его от избитых фраз наподобие «расположенного в центре столицы».

(7) *Willkommen im Hotel Adlon Kempinski, Berlins erster Adresse mit Tradition und zeitloser Eleganz **im Herzen der Hauptstadt*** [4].

Проанализировав лингвистические приемы, используемые при создании текстов для немецкоязычных интернет-сайтов отелей, можно заключить, что активно используются следующие лексические средства: англицизмы, хрононимы, эмоционально-экспрессивный пласт лексики, фразеологизмы; стилистические фигуры речи: сравнения и риторические вопросы; грамматическая категория превосходной степени прилагательных. Следует отметить, что именно благодаря продуманному отбору языковых средств рекламный текст становится выразительным и экспрессивным, с помощью чего создается успешный рекламный образ, ориентированный на интересы и требования потенциальных потребителей и побуждающий их выбрать именно предлагаемый адресантом отель. Таким образом, реализуется детальное описание немецкоязычного веб-проекта отеля, формируется положительная оценка покупателей, происходит выделение товара из ряда конкурирующих компаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулешова Н. А. Морфологическая и словообразовательная ассимиляция англоязычных заимствованных единиц в национальных вариантах немецкого языка: на материале прессы Германии, Австрии, Швейцарии: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 227 с.

2. Попов А. П. Роль фразеологизмов в современной устной и письменной речи. – М., 2009. – 125 с.
3. Коробка П. А. Идиоматическая фразеология как лингвистическая и культурологическая проблема: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 156 с.
4. Hotel Adlon Kempinski Berlin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.holidaycheck.de/hi/hotel-adlon-kempinski-berlin/787bfff4-477a-3e08-9272-783ba7255c0d> (дата обращения 12.03.2020).
5. Hotel Reutemann Seegarten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.holidaycheck.de/hi/hotel-reutemann-seegarten/e04f726f-c87f-334f-be14-2c35195af9bf?bd4t=kHlJAHuw> (дата обращения 12.03.2020).
6. Hotel Sonnenhof [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.holidaycheck.de/hi/hotel-sonnenhof/c3911a13-d014-39e8-af35-0c5351a6c78e?bd4t=l7FGk1TG> (дата обращения 13.03.2020).
7. Königshof Hotel Resort [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.holidaycheck.de/hi/koenigshof-hotel-resort/c318e351-f55c-38aa-913f-3b701181d1c4?bd4t=kUfkTvYj> (дата обращения 15.03.2020).
8. Lindner Parkhotel Spa [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.holidaycheck.de/hi/lindner-parkhotel-spa/c7ba90a1-82a6-36ca-b97c-087e1f8d0460?bd4t=ufz5NWTQ> (дата обращения 15.03.2020).
9. YachtHotel Helvetia Wellness & Spa Domizil [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.holidaycheck.de/hi/yachthotel-helvetia-wellness-spa-domizil/8542e13b-6f66-3c8c-aa78-3130b037b39c?bd4t=W8vGQvq3> (дата обращения 17.03.2020).

ЛОГИНОВА Е. А.

КОНЦЕПТ “МАСКУЛИННОСТЬ” В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию концепта «маскулинность» в русле гендерного подхода. Автором делается обзор представления данного концепта в работах современных отечественных и зарубежных лингвистов. В качестве исследовательской задачи было определено выявление особенностей реализации концепта «маскулинность» в поэтическом тексте. Практическим материалом исследования послужили поэтические тексты классических и современных англоязычных авторов.

Ключевые слова: концепт, гендер, маскулинность, поэтический текст, лексическая единица.

LOGINOVA E. A.

MASCULINITY CONCEPT IN ENGLISH POETIC TEXT

Abstract. The article considers the masculinity concept in the gender perspective. The author presents an overview of the concept research in the works of modern Russian and foreign linguists. The study goal is to reveal the features of the concept realization in poetic texts. The study is based on the poetic texts of classical and contemporary English poets.

Keywords: concept, gender, masculinity, poetic text, lexical unit.

Каждый человек в ходе своей жизнедеятельности узнает определенное количество информации об окружающем мире, что приводит к формированию понятий, отражающих основные типизированные характеристики явлений и процессов. В данном случае речь идет о концептах. Как известно, термин «концепт» встречается в разных областях знаний, в том числе в лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и гендерной лингвистике, что влечет за собой ряд различных определений данного термина. В рамках данной работы мы будем придерживаться определения С. А. Аскольдова, согласно которому концепт представляет собой «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 269]. Другими словами, термин «концепт» можно считать синонимом термина «понятие», в значении, указывающим на основную точку зрения на предмет.

В рамках гендерной лингвистики концепт можно представить как различия в восприятии какого-либо предмета, явления или процесса с позиции особенностей пола автора как социально и культурно конструируемого феномена. Несомненно, концепты могут формировать единую систему, характерную для группы людей в рамках одного временного периода. С целью исследования тенденций развития и изменения концепта следует

прибегнуть к его рассмотрению на базе художественных текстов, в том числе и поэтических, так как именно в текстах данного вида отражаются особенности быта людей.

Одной из самых популярных тем, которая находит отражение в поэтических произведениях авторов разных эпох и гендерной принадлежности, является тема образа мужчины, которая проявляется в концепте маскулинности. Несмотря на этот факт, изучение особенностей передачи рассматриваемого концепта началось только в конце XX века [8, с. 2] как противоположность концепта «фемининность» и призвано помочь более полно изучить меняющиеся гендерные роли.

Необходимо заметить, что на данном этапе существует сравнительно малое количество работ, посвященных изучению интерпретации концепта мужественности в художественных, в частности поэтических, текстах, особенно в отечественной лингвистике. Более того, отсутствуют исследования, показывающие разницу в передаче концепта «маскулинность» в поэтическом тексте исходя из гендерной принадлежности автора произведения. В работах, посвященных исследованию путей реализации образа мужчины, преимущественно рассматривается оппозиция «маскулинность-фемининность», при этом подчеркивается, что маскулинный образ всегда имел тенденции быть описанным как первичный и главный по отношению к фемининному. Как замечает А. В. Опарина, во всех языковых картинах мира в возможных бинарных оппозициях или полярных категориях, как например, верх-низ; свет-тьма; правое-левое; культура-природа; дух-материя; содержание-форма, левый член представляет собой характеристику мужественности [4]. Соответственно, маскулинность позиционируется как доминанта или первоначало.

В целом, если рассматривать оппозицию «мужское-женское», то отмечается, что женский образ наполнен символизмом и имеет размытые границы, являясь более закрытым в культурном аспекте, в то время как мужской образ, наоборот, имеет тенденцию быть описанным конкретно, без «выдуманного» и «приписанного», что особенно актуально для женского текста [5, с. 134]. Данный феномен вызывает интерес, потому что выходит за рамки привычного представления особенностей составляющих мужских и женских текстов, так как известно, что поэтессы склонны к использованию эпитетов, стилистически-возвышенной лексики, некой образности, они избегают конкретики и прямолинейности. Вероятной причиной сдвига при описании образа мужчины в женских текстах может являться факт, что именно женщины непосредственно принимают участие в становлении мужчины из мальчика, воспитывая его, наблюдая и раскрывая все секреты этого процесса.

Некоторые языковеды придерживаются мнения, что концепт маскулинности может проявляться не только в отдельных лексических единицах, передавая мужские черты, но и в целом пронизывать весь текст, вплетаясь в его парадигму. В английских поэтических текстах

начала XVII в. этот эффект достигается посредством «мужественных» метафор (metaphors of horsemanship and war). Более того, нередки случаи так называемой «насильственной мужественности» (violent masculinity), когда лирический герой описан при использовании лексических единиц, передающих женский гендер, но лексика и стилистические приемы общего описания закрепляют и навязывают мужской гендер. Например, в пьесе Уильяма Шекспира «The Merchant of Venice» образ персонажа Бассанио конструируется с помощью лексических единиц, обозначающих изящество и роскошь, тем самым приписывая ему характеристики женщины. Однако описание общей атмосферы поэтического произведения выполнено посредством лексических единиц с противоположным значением, тем самым воссоздавая в сознании читателей ассоциации с мужским образом [6, с. 15].

Говоря непосредственно о способах формирования концепта «маскулинность» в поэтическом тексте, следует сказать, что одним из наиболее частотных приемов его передачи является стилистический прием олицетворения. С помощью данного стилистического приема происходит приписывание свойств одушевленных объектов неодушевленному, что мы можем наблюдать в произведении английского поэта Уилфреда Оуэна «The Next War»:

Out there, we've walked quite friendly up to Death,- // **Sat down** and **eaten** with **him**, cool and bland,- // Pardoned **his** spilling mess-tins in our hand. // We've **sniffed** the green thick odour of **his breath**,- // Our **eyes wept**, but our courage didn't writhe. **He's spat at** us with bullets and **he's coughed** // Shrapnel. // We chorussed when he **sang aloft**, // We whistled while **he shaved** us with his scythe. // Oh, Death was never enemy of ours! // We laughed at **him**, we leagued with him, **old chum**. // No soldier's paid to kick against **His** powers. // We laughed, -knowing that better men would come, // And greater wars: when each proud fighter brags // He wars on Death, for // lives; not men, for flags [12].

В данном поэтическом тексте концепт войны одушевлен, так как относительно него используются лексические единицы (eat, sniffed, breath, wept, spat at, coughed, sang along и др.), обозначающие действия и свойства человека, и переносит мужской гендер, что подтверждено использованием местоимения «he». Более того, мужской характер произведения подкрепляется использованием прилагательных и существительных, передающих маскулинные характеристики, а именно cool, bland, thick, courage, fighter, bullets, shaved, leagued, chum, soldier, powers, proud, brags, men.

Следующий пример использования приема олицетворения для реализации концепта «маскулинность» мы можем наблюдать в произведении американской поэтессы XIX века Э. Дикинсон, в котором она говорит о смерти в мужском роде:

Because I could not step for **death**, // **He** kindly **stepped** for me [8].

В этом же произведении встречаем олицетворение солнца опять же с мужским гендером:

We passed the Setting **Sun** – // Or rather – **He** **passed** us – [8].

Так, в английской языковой картине мира наблюдается закономерность, при которой ряд понятий приобретают мужской гендер: sun, wind, death, oak, deer, day, hawk, century, swan, tree, dog, bird, eagle, book, bell, heart, time, cruelty, raven, ant, spider, etc. Однако необходимо отметить, что образ женщин также олицетворяется в таких понятиях, как, например, moon, nature, art [2, с. 174].

Приведенные примеры показывают, что мужской гендер в англоязычных поэтических произведениях имеет тенденцию передаваться посредством олицетворения, которое выражено использованием слов, обозначающих мощные явления природы или стихии, и слов, имеющих в своей семантике значение силы или власти. По мнению Г. Н. Гумовской, традиция ассоциировать эти образы именно с данными гендерными характеристиками была воспринята англоязычными авторами через античную литературу из мифологических сюжетов Древнего мира [3, с. 27].

Однако реализация концепта маскулинности в поэтическом тексте происходит не только посредством лингвистического моделирования (при использовании лексических единиц), но также при обращении автором к экстралингвистическому материалу. Одним из наиболее популярных способов реализации концепта в данном контексте является использование автором общекультурных отсылок или аллюзий.

Так, с целью передачи концепта «маскулинность» поэты часто прибегают к мифологическим сюжетам, где во многих случаях мужественность передается через образ бога или воина. В этой связи К. Бушендорф замечает, что в современной женской поэзии образ мужчины часто встречается в мифопоэтике [7, с. 610]. В результате происходит переосмысление и критика традиционных гендерных ролей, что мотивируется распространением идей феминизма. В современных женских поэтических текстах, где концепт маскулинности воплощается в образах богов мифов Древней Греции, фигурируют элементы, позволяющие судить о равенстве мужчины и женщины. К примеру, образ мужчины не проецируется отдельно от женского, что можно наблюдать в поэтическом тексте Х. Дулитл «Helen in Egypt»:

<...> Amen (or **Zeus**), we call **him** // has brought me here; // fear nothing of the future or the past, // **He**, God, will guide you, // bring you to this place, // as **he** brought me, **his**

daughter, // **twin-sister** of **twin-brothers** // and **Clytaemnestra**, shadow of us all; // the old enchantment hold, here there is peace // for **Helena**, **Helen** hated of all Greece. <...> [9].

Данная работа является переосмысленным вариантом известного произведения «Helen of Troy», написанным греческим лирическим поэтом Sicily (640–555 до н.э.). Можно заметить, что доля лексических единиц, передающих мужской гендер самым открытым способом – личные местоимения и имена собственные, в данном поэтическом тексте примерно соразмерна количеству упоминаемых «женских» лексических единиц. Данный факт позволяет сделать вывод о стремлении к равенству мужского и женского образов в современном женском поэтическом тексте.

Следующим примером может послужить произведение современной поэтессы Э. Фифита «Zeus The Deceiver». Данный текст, как и предыдущий, интерпретирует образ мужественности посредством обращения к древнегреческим мифологическим персонажам. Однако интерес представляет тот факт, что лексическая сетка слов гендера значительно отличается от привычного изображения мужественности, так как состоит из слов с негативной коннотацией (above, deceit, thrills, ignoring, strikes, sharper, knife, upon, hate, deadly, sins, nothing, etc.). Следовательно, мы можем наблюдать упомянутое К. Бушендорф явление критики маскулинности с позиции поэтесс.

Zeus stands on the platform **above** the world // Preferring **deceit** and worldly **thrills**, // **Ignoring** needs of his dear wife, // While he **strikes** lightning **sharper** than a **knife**. // <...>
'Zeus the great **deceiver**, born **upon** mountains // Lord of **hate** and **deadly sins** // Grant us **nothing** but you **deceiving deceit**' // Praying a prayer that would **not be met** [10].

Таким образом, концепт «маскулинность» в англоязычных поэтических текстах передается посредством стилистического приема олицетворения, через обращение к мифологическим персонажам или с помощью использования слов, в семантике которых имеются компоненты, передающие силу и власть. Однако рассматриваемый концепт претерпевал многочисленные изменения в процессе социального развития. В этой связи большую роль сыграло феминистское движение, которое послужило толчком к кризису маскулинности. В результате, в современном англоязычном поэтическом тексте понятие мужественности все реже представляется как доминантное и независимое, а ставится наравне с его оппозиционной характеристикой – фемининностью, иногда приобретая ироничный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 267–279.
2. Бабенкова Е. А. Каналы гендерной семантики англоязычного поэтического текста // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр. посвящ. 50-летию ф-та иностр. яз. Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева / Редкол.: Ю. М. Трофимова (отв. ред.) и др. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – С. 173–175.
3. Гумовская Г. Н. Гендерный подход к переводу литературных авторских сказок на русский язык // Язык: категории, функции, речевое действие. – М., 2016. – С. 25–30.
4. Опарина А. В. Вопросы гендерологии. Мужественность и женственность как культурные концепты гендерной лингвистики [Электронный ресурс] // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2011. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-genderologii-muzhestvennost-i-zhenstvennost-kak-kulturnye-kontsepty-gendernoy-lingvistiki/viewer> (дата обращения 22.03.2020).
5. Сапогова Е. Е. Гендерные концепты сознания в контексте социокультурной психологии // Языки и картина мира: материалы Всероссийской научной конференции 12-15 марта 2002 г. / Под ред. М. Ф. Чикуровой. – Тула: ТулГУ, 2002. – С. 132–139.
6. Barnes A. W. Post-Closet Masculinities in Early Modern England. – Associated University Press, 2009. – 211 p.
7. Buschendorf Ch. Gods and Heroes Revised: Mythological Concepts of Masculinity in Contemporary Woman's Poetry // American Studies 43.4. – 1998. – P. 599–617.
8. Dickinson E. Because I Could Not Stop For Death [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.poemhunter.com/poem/because-i-could-not-stop-for-death-2/> (дата обращения 10.04.2020).
9. Doolittle H. Helen in Egypt // Poetry. – New Directions Publishing, 1974. – P. 318.
10. Fifita A. Zeus The Deciever [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.poemhunter.com/poem/zeus-the-deciever/> (дата обращения 10.04.2020).
11. Murphy P. Fictions of masculinity: crossing cultures, crossing sexualities. – New York University Press, 1994. – 324 p.
12. Owen W. The Next War [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.poemhunter.com/poem/the-next-war-2/> (дата обращения 10.04.2020).

ДЖОРАБАЕВА Г.

**РОЛЬ РОДНОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ ТУРКМЕНИСТАНА**

Аннотация. В статье проанализирована проблема использования родного языка при обучении английскому языку как иностранному в общеобразовательных школах Туркменистана. Сделан вывод о том, что целесообразно опираться на туркменский язык, обучая английскому, но придерживаясь принципа ситуативности.

Ключевые слова: туркменский язык как родной, обучение английскому языку, средние общеобразовательные школы Туркменистана.

JORABAEVA G.

**MOTHER TONGUE IN TEACHING ENGLISH
IN SECONDARY SCHOOLS OF TURKMENISTAN**

Abstract. The article analyzes the problem of using mother tongue in teaching English as foreign language in secondary schools of Turkmenistan. A conclusion is made that it is possible to rely on the Turkmen language while teaching English but adhering to the principles of reasonableness and temporality.

Keywords: Turkmen language as native language, teaching English, secondary schools of Turkmenistan.

На сегодняшний день имеется три основных взгляда на проблему роли и места родного языка в обучении языку иностранному. Так, многие методисты считают, что иностранный язык правильнее изучать без обращения к родному языку. Например, известный российский теоретик в области методики преподавания иностранных языков, Е. Н. Соловова, выступает за отказ от использования родного языка на уроках иностранного [2].

В свою очередь некоторые преподаватели [7] и ученые [5] выступают за обучение с непрерывным сопоставлением систем родного и иностранного языков. По мнению профессора Р. Мильруда, «чем больше на уроке тренировки, затверживания и простейших познавательных умений, тем меньше на уроке родного языка, чем больше доля высших познавательных умений и обработки новой информации, тем необходимее родной язык, так обстоит дело во всем мире и на всех этапах овладения языком...» [1].

Однако большинство российских и зарубежных исследователей, в числе которых Р. К. Миньяр-Белоручев и Л. Продрому, придерживаются мнения, что родной язык при обучении иностранному нужно использовать дозированно и в зависимости от ситуации [4; 6]. В этой связи Н. Д. Гальскова считает, что на уроке иностранного языка в определенных

случаях можно прибегнуть к родному языку, например, при объяснении нового грамматического материала или фактов из истории и культуры страны изучаемого иностранного языка [3].

Мы придерживаемся последней точки зрения и считаем, что можно обращаться к родному языку на уроке иностранного языка, но его использование нужно ограничивать определенными ситуациями. Для этого нужно учитывать ряд факторов, в частности, степень сложности предъявляемого языкового материала, ступень обучения, уровень сформированности у учащихся коммуникативной компетенции. Далее рассмотрим примеры использования туркменского языка как родного на уроках английского языка как иностранного в средних школах Туркменистана.

Следует заметить, что в Туркменистане при обучении английскому языку в средних общеобразовательных школах используются два языка-посредника разной степени аутентичности: русский и туркменский. Так, 10% русскоязычных обучающихся учатся в туркменских аутентичных школах, 15% туркменоязычных учащихся учатся в русских аутентичных школах. Таким образом, 85% русских обучаются в русских школах и 90% туркмен – в туркменских школах.

Одной из ситуаций, в которой оправдано использование туркменского языка на уроке английского, является представление новой лексики учащимся. Если при формировании лексических навыков не срабатывают способы и методы прямой демонстрации, догадки по форме слова или толкования значения с помощью английского языка, то целесообразно использовать перевод на туркменский язык:

англ. *man* – туркмен. *erkek adam*;

англ. *to recycle* – туркмен. *bir zady täzededen ulanmak*.

Использование туркменского языка на уроке во время объяснения английских реалий лингвострановедческого характера позволяет снимать трудности в понимании особенностей менталитета и мировосприятия представителей англоязычных культур. В данном случае целесообразно использовать туркменский язык, потому что лингвострановедческие реалии английского языка обозначают предметы, понятия, ценности и ситуации, которые не существуют в практическом опыте людей, говорящих на туркменском языке как родном:

англ. *mile* – туркмен. *ölçeg*;

англ. *Thanksgiving Day* – туркмен. *minnetdarlyk günü*.

Часто учителя средних школ обращаются к туркменскому языку на этапе предъявления нового грамматического материала. В этой связи приведем примеры объяснения самого употребительного, но не самого простого для понимания туркменскими школьниками английского глагола «be».

В предложении английский глагол «be» может выполнять функцию глагола-связки. В этом случае на туркменский язык он переводится глаголом «bar» (рус. есть): англ. *The bag is on the table.* – туркмен. *Stolun üstünde sumka bar.* В данном предложении форма глагола «be» – is – выступает как полнозначный глагол и соответствует в туркменском языке глаголу «bar».

Однако использование туркменского глагола «bar» вместо английского глагола «be» в функции глагола-связки не всегда возможно: англ. *I am a teacher.* – туркмен. *Men mugallym.* В данном примере форма глагола «be» – am – не имеет аналога в туркменском языке, т.е. нельзя сказать «*Men bar mugallym.*».

Отдельно следует сказать о безличных предложениях с глаголом «be». Они описывают явления природы, время или расстояние. В туркменском языке в таких предложениях, как «Сегодня холодно» или «Уже поздно» отсутствует подлежащее. И это логично, в предложениях ведь нет никакого действия, а значит, и того, кто бы выполнял действие, то есть, нет «лица», без которого обходятся данные предложения. Но сам характер английского языка требует наличие подлежащего. Поэтому им становится формальное подлежащее «it» и глагол-связка «be» в соответствующей форме. Они ничего не обозначают, но указывают, что перед нами безличное предложение. Туркменским учащимся следует объяснить всё это и закрепить многочисленными упражнениями на перевод.

англ. *What date is it today?* – туркмен. *Bu gün naçesi?*

англ. *It is 5 o'clock.* – туркмен. *Häzir sagat 5.*

англ. *It is still dark.* – туркмен. *Häli garaňky.*

Особого внимания заслуживают конструкция *There is/ there are*, значение которой – наличие или отсутствие чего-то или кого-то. Английское предложение «*There is a book on the table*» мы можем перевести на туркменский язык двумя способами: 1. *Stolun üstünde kitap bar* (с глаголом «bar»); 2. *Kitap stolun üstünde* (без глагола «bar»).

Кроме того, глагол «b» в качестве вспомогательного необходим для выражения конкретного действия, происходящего в момент говорения – то есть для действия в Present Continuous. Образуется оно из двух слов – вспомогательного глагола «be» и основного глагола с окончанием –ing. Оно используется, когда требуется подчеркнуть длительность действия в настоящем. В большинстве случаев это время показывает, что действие происходит именно сейчас. Для туркменских обучающихся время Present Continuous поначалу может показаться слишком сложным для понимания, поскольку в туркменском языке подобного времени нет. Поэтому в данном случае обращение к родному языку может помочь учащимся понять случаи его употребления. Например, английское предложение «*I am playing the guitar*» – «*Men gitara oýnaýarun*» на туркменском языке может означать как сиюминутное действие, так и постоянное действие. Но на английском языке это два разных предложения: *I am playing the*

guitar. – Я играю на гитаре (сейчас, в данный момент времени); *I play the guitar*. – Я играю на гитаре (вообще, то есть, умею играть).

Поэтому туркменским учащимся надо объяснить, что, если мы описываем повторяющиеся действия, связанные с настоящим моментом, то нужно использовать Present Continuous: англ. *I'm speaking with my dad a lot these days*. – туркмен. *Soňky wagt men kakam bilen ýygy-ýygydan telefonda gürlüşýän* (есть связь с текущим моментом). Если же с настоящим моментом действия не связаны, то употребляем Present Simple: англ. *I speak with my friend who lives in London three times a year*. – туркмен. *Men ýylda 3 gezek Londondaky dostum bilen gürlüşýän* (нет никакой связи с настоящим моментом).

Еще одно из сложных времен, которого нет в туркменском языке – это времена группы Perfect. В туркменских школах эти времена объясняют с помощью действия. Английские времена Present Perfect и Past Simple обозначают события, которые произошли в прошлом, поэтому нужно разобраться в их отличиях. В этой связи туркменским учащимся можно предложить такое объяснение на их родном языке: *Past Simple gymyldy hereketiň öň geçmişde bolup gutarandygyny görkezýär*, *Present Perfect bolsa gymyldy herekedin öň bolandygyny we herekediň häli hem güýjüniň bardygyny görkezýär*. Так, в Present Perfect важно действие и его результат в настоящем: англ. *I have drunk my coffee*. – туркмен. *Men kofe içdim*. Здесь неважно, когда, важно то, что это сделано. В Past Simple важно время совершения действия: англ. *I drank my coffee in the morning*. – туркмен. *Men irden kofe içdim*.

После объяснения различия этих времен вернемся в Present Perfect. Это время употребляется для выражения действия, которое произошло в прошлом и только что или недавно завершилось, но результат действия важен в настоящем: *Present Perfect – herekediň öň ya-da ýakynnda bolup geçendigini aňladyp şo herekediň häzirki wagtda netijesinin bardygyny görkezýär*. Для иллюстрации объяснения можно привести следующие примеры туркменским учащимся:

англ. *They have done the exercise*. – туркмен. *Olar gönükmäni ýerine ýetirdiler*.

англ. *I am a little frightened for I have lost my way*. – туркмен. *Men ýoly ýitrensoň azrak gorkdum*.

Кроме того, учащимся нужно сказать о том, что время Present Perfect часто используется с наречиями «just», «yet», «already»: англ. *Aman has not returned from town yet*. – туркмен. *Aman entegem obadan dönmedi*.

Нужно обязательно обратить внимание туркменских школьников на тот факт, что английский глагол «have» на туркменский язык переводится как «bag» (рус. есть), но в Present Perfect мы этот глагол используем как вспомогательный глагол (*kömekçi işlik*) и он не

переводится как «bag» в значении «есть». Приведем соответствующие примеры, чтобы ученикам стало понятно это различие:

англ. *I have talked to my mother.* – туркмен. *Men gürleşdim.*

англ. *I have bought a new book.* – туркмен. *Men täze kitap satyn aldy.*

Вопросительная форма Present Perfect: англ. *Have you graduated from university?* – туркмен. *Sen uniwersiteti gutardynmy?* Отрицательная форма Present Perfect: англ. *She has not had dinner yet.* – туркмен. *Ol häli agşamlyk edinmedi.*

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что при обучении английскому языку как иностранному в туркменских школах родной язык в разумных дозах присутствовать должен. Особенно он нужен при формировании грамматических навыков, в частности, при изучении времен группы Perfect, понимание которых практически невозможно без сравнительного перевода, поскольку в данном случае речь идёт о языковых явлениях, аналогичных которым в туркменском языке не существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мильруд Р. П. Билингвизм в учебных условиях или ошибка Берлица [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iyazyki.prosv.ru/2017/03/bilingualism/> (дата обращения 10.02.2020).
2. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2009. – 238 с.
3. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителей. – М.: АРКТИ, 2003. – 192 с.
4. Миньяр-Белоручев Р. К. Механизм билингвизма и проблема родного языка в обучении иностранному // Иностранные языки в школе. – 1996. – № 5. – С. 30–34.
5. Колкер Я. М. Роль родного языка в обучении иностранному // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 2. – С. 20–28.
6. Prodromou L. The Role of the Mother Tongue in the Classroom // IATEFL Issues. – 2002. – Issue 166. – P. 6–10.
7. Ерохина Е. А. Значение и роль родного языка в обучении иностранному языку [Электронный ресурс] // Наука через призму времени. – 2017. – № 6. – Режим доступа: <http://naupri.ru/journal/213> (дата обращения 12.01.2020).

ФОМИНОВА Т. А., САФОНКИНА О. С.

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПОСРЕДСТВОМ
ОСВОЕНИЯ НАВЫКОВ МЫШЛЕНИЯ ВЫСОКОГО УРОВНЯ**

Аннотация. Сформированные лингвистические компетенции являются конечной целью компетентного подхода в рамках обучения английскому языку как иностранному языку. На высоком уровне данные компетенции формируются через становление таких навыков как анализ, оценка и синтез. Динамика освоения лингвистических компетенций по английскому языку как иностранному языку отражена в CEFR и проверяется различными тестами.

Ключевые слова: мышление высокого уровня, когнитивные навыки, компетенция, компетентный подход, CEFR.

FOMINOVA T. A., SAFONKINA O. S.

**FORMING LINGUISTIC COMPETENCIES
BY DEVELOPING HIGH-ORDER THINKING SKILLS**

Abstract. The ultimate goal of the competency-based approach in teaching English as a second language is the well-established language competences. They are defined through the formation of various linguistic skills. These competencies at a high level are developed with the help of such cognitive skills as analysis, evaluation and synthesis. The development of the linguistic skills is described in the CEFR and is tested by various proficiency tests.

Keywords: high-order thinking, cognitive skills, competence, competency-based learning, CEFR.

В современном подходе к образованию существует тенденция активного применения компетентного подхода, который рассматривается как одно из направлений модернизации отечественного образования. По мнению доктора психологических наук, Э. Ф. Зеер, компетентный подход является «приоритетной ориентацией на цели-векторы образования», которые определяют содержание и организацию обучения [1]. Такими «целями-векторами» являются формируемые в процессе обучения компетенции, основные понятия в разговоре о компетентном подходе [2].

Отличительной чертой компетентного подхода в образовании является его универсальность, т.е. формирование необходимых компетенций в рамках любых изучаемых дисциплин, не исключая иностранные языки. Впервые о лингвистических компетенциях было упомянуто в работах американского лингвиста и психолога Н. Хомского [3, с. 3-4]. Согласно его теории, лингвистические компетенции приравниваются к знанию языка,

лежащем в основе речепроизводства в конкретных ситуациях. Американский лингвист Д. Хаймс расширил понятие лингвистической компетенции до понятия коммуникативной компетенции, «обозначающей сумму языковых навыков и знаний говорящего/слушающего об использовании языка в изменяющихся ситуациях и условиях речи», включив, таким образом, в понятие не просто языковую способность, но и набор контекстов для ее реализации [4].

Дальнейшие интерпретации понятия лингвистической и/или коммуникативной компетенции предлагаются в работах И. Л. Бим, В. В. Сафоновой, С. Муаран, Яна ван Эйка. Общим моментом их теоретических изысканий является понимание коммуникативной компетенции не только как теоретического знания системы языка, но и как умения использовать ее в речи [5]. Кроме того, сама лингвистическая компетенция в представлении некоторых ученых, например, американского лингвиста Л. Бахмана, может включать в себя несколько других [6]. Таким образом, видя разобщенность определений, представляется возможным ввести обобщенное понятие *лингвокоммуникативной* компетенции, которая понимается как набор знаний (о системе языка) и навыков (построение логической речи, использование языковых средств для определенной цели, а также различение правильных и неправильных в языковом отношении высказывания), позволяющих осуществлять эффективную коммуникацию.

Поскольку компетенция является не только объектом теоретического изучения, но и активно используется в лингводидактической парадигме, существует ряд нормативных документов в сфере образования, в которых используется данный термин. Основным международным документом является «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка». В данной статье мы воспользуемся его англоязычным сокращением – CEFR (Common European Framework of Reference). Согласно определению его авторов, CEFR определяет «в доступной и понятной форме, чем необходимо овладеть изучающему язык, чтобы использовать его в целях общения, а также какие знания и умения ему необходимо освоить, чтобы коммуникация была успешной» [7], используя, таким образом, формирование компетенций как цель обучения. В настоящий момент CEFR является признанным во всем мире стандартом для описания уровней владения иностранным языком, сформулированным через уровни сформированности лингвокоммуникативной компетенции, ориентиром для конечной цели обучения. CEFR лежит в основе УМК по иностранному языку, кодификаторов и спецификаций для языковых тестов и экзаменов (например, ЕГЭ, IELTS и т.д.) для выявления соотношения прогресса с целью. Также CEFR используется для составления документов, регламентирующих

стандарты образования (например, ФГОСы). Таким образом, CEFR устанавливает цели обучения иностранному языку не только в европейских странах, но и на территории РФ.

Для регламентирующих целей обучения иностранному языку в CEFR выделяют несколько уровней его владения: от элементарного (A1) к продвинутому (C2) [7]. При этом переход от низших уровней к высшим предполагает переход от использования и понимания простых фраз, требующих, как правило, лишь механического запоминания и применения, к коммуникативным актам, требующих сложных когнитивных навыков. Данная особенность позволяет соотнести требования к знаниям учащимся на различных уровнях овладения иностранным языком с таксономией когнитивных навыков, предложенной американским методистом Б. Блумом (рис. 1) [8]. В данной таксономии движение к мышлению высокого уровня (применения анализа, синтеза и оценки) происходит путем изначального освоения принципов мышления низкого уровня (навыки запоминания, понимания и применения).

Последователи Б. Блума американские ученые Л. Андерсон и Д. Крассволл уточнили данную таксономию, поставив на ее вершину навык синтеза (“create”), обосновав это тем, что создание новых идей, схем и структур является деятельностью творческого когнитивного характера (рис. 2) [9]. Таким образом, в обоих вариантах таксономии, так же, как и в CEFR, знание, понимание и воспроизведение простейшего языкового материала становится основой для дальнейшего усложнения выполняемой речевой и языковой деятельности. При этом мышление высокого уровня подразумевает использование когнитивных техник или стратегий, построение логических умозаключений, создание взаимосогласованных логических моделей и принятие обоснованных решений для достижения поставленной задачи, в том числе и на иностранном языке [10, с. 22].

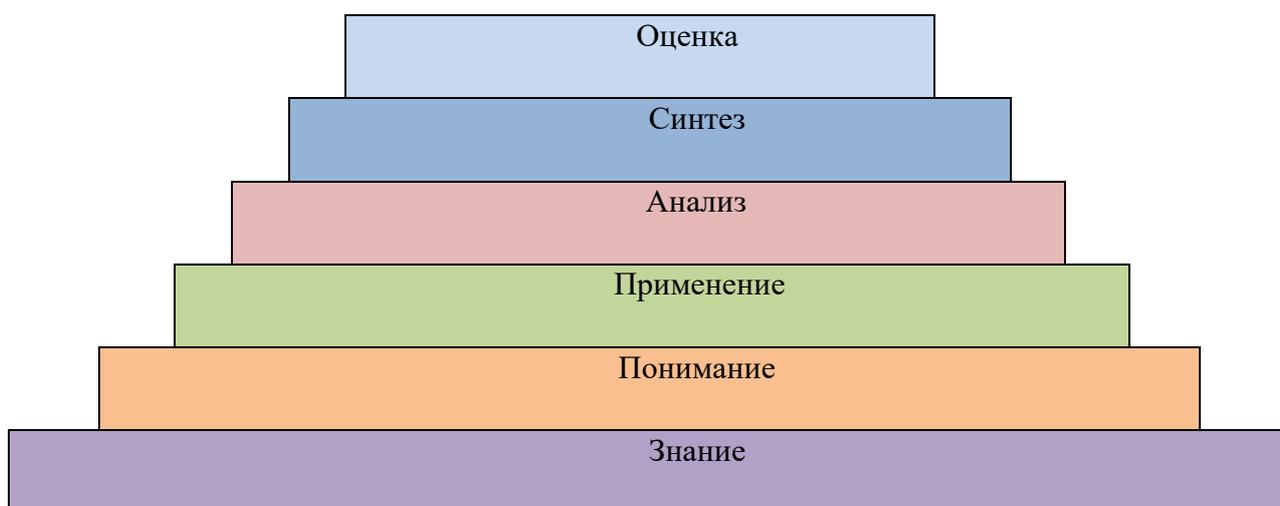

Рис. 1. Пирамида когнитивных навыков в таксономии Б. Блума.

Рис. 2. Пирамида когнитивных навыков Л. Андерсона и Д. Красволла.

В качестве примера, подтверждающего рост требований от базовых мыслительных категорий к высоким, которые демонстрируют сформированность мышления высокого уровня и одновременно с этим сформированность лингвокоммуникативной компетенции, можно рассмотреть требования CEFR к монологической речи. Так, на уровне A1 (уровень выживания) изучающий иностранный язык должен быть в состоянии говорить на известные ему темы, и от него не требуется задействовать мышление высокого порядка, а реализация компетенций оказывается возможной благодаря первым трем ступеням таксономии Б. Блума: знанию, пониманию и применению. Тем не менее, с повышением уровня владения языком повышаются и требования к использованию в коммуникативных ситуациях мышления высокого уровня. На уровне A2 (предпороговый уровень) требования все еще остаются схожими с требованиями к уровню A1 («Я могу, используя простые фразы и предложения, рассказать о своей семье и других людях, условиях жизни, учебе, настоящей или прежней работе»), но уже на уровне B1 (пороговый уровень) появляется требование к анализу и синтезу («Я могу кратко обосновать и объяснить свои взгляды и намерения»), а также оценке («Я могу рассказать историю или изложить сюжет книги или фильма и выразить к этому свое отношение»). Требования к уровню C1 (уровень профессионального владения) наиболее репрезентативно показывают, что аспекты мышления высокого уровня являются неотъемлемым компонентом сформированности лингвокоммуникативной компетенции: «Я умею понятно и обстоятельно излагать сложные темы, объединять в единое целое составные части (синтез), развивать отдельные положения и делать соответствующие выводы (оценка)» [7]. Таким образом, можно заключить, что сформированность лингвокоммуникативной компетенции предполагает сформированность у учащихся навыков мышления, активизирующихся в процессе речевой деятельности.

Рассмотрев связь между сформированностью лингвокоммуникативной компетенции и мышлением высокого уровня, представляется важным обратиться к ряду международных и российских документов, в которых закреплён запрос на формирование данного типа мышления в рамках компетентностного подхода. На основе данных документов выстраивается как учебная программа дисциплины «Иностранный язык» в школах и вузах, так и составляются тесты, проверяющие уровень владения иностранным языком.

Для российского образовательного пространства важнейшим таким документом является Федеральный государственный образовательный стандарт, выделяющий предметные, личностные и метапредметные результаты освоения учащимися основной образовательной программы. К последним относят «освоенные обучающимися межпредметные понятия и универсальные учебные действия (регулятивные, познавательные, коммуникативные), способность их использования в познавательной и социальной практике, самостоятельность в планировании и осуществлении учебной деятельности и организации учебного сотрудничества с педагогами и сверстниками, способность к построению индивидуальной образовательной траектории, владение навыками учебно-исследовательской, проектной и социальной деятельности», что полностью совпадает со сформированностью мышления высокого уровня [11].

Другим примером являются международные тесты, для которых характерна опора на CEFR. Наиболее сильно навыки мышления высокого уровня задействованы в заданиях, связанных с письмом и говорением [12]. Так, например, тест IELTS (International English Language Testing System) содержит в себе два задания на проверку письменной речи, первое из которых предполагает анализ данных, их критическое сопоставление и синтез, а второе ориентировано на анализ проблемной ситуации, обоснование собственной точки зрения, анализ мнений и последствий, оценку идей, доказательств и аргументов [13]. Кроме того, одним из критериев проверки письменных заданий является его связность и логичность, достижение которых невозможно без мышления высшего уровня. Обязательное письменное задание Кембриджских тестов B2 First Certificate in English (FCE) и C1 Certificate in Advanced English (CAE) предполагает «использование языковых функций, таких как оценка, выражение мнений, построение гипотез, обоснование, убеждение» [14; 15]. Для теста уровня C2 Certificate of Proficiency in English (CPE) письменное задание предусматривает интерпретацию данных, оценку абстрактных аргументов и изложение собственных идей по заданной теме [16].

Что касается российских национальных экзаменов по иностранному языку, то спецификация ЕГЭ по английскому языку базируется на ФГОС и определяет лишь одно задание (под номером 40) из раздела «Письмо» как задание высокого уровня (B2) [17],

которое нацелено на анализ спорной точки зрения и выражение к ней своего отношения, а также на логичное построение текста [18]. Не вызывает сомнений, что для выполнения данного задания учащимся необходимо сформированное мышление высокого уровня.

Подводя итог, представляется возможным сделать заключение, что благодаря связи между сформированностью лингвокоммуникативной компетенции у учащихся и навыков мышления, существует потребность в развитии мышления высокого уровня на уроках иностранного языка. Также запрос на сформированное мышление высокого уровня у изучающих иностранный язык четко прослеживается и в нормативных документах, регулирующих подготовку и сдачу ряда российских и международных тестов на знание иностранного языка. Тем не менее, существует небольшое количество исследований в области когнитивной лингвистики, нацеленных на изучение «связи отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия» [19]. При этом в фокусе находятся точные науки, а не деятельность учащихся, связанная с использованием речевых и языковых навыков [20; 21]. Кроме того, поскольку навыки мышления высокого уровня зафиксированы в описании лингвистических компетенций, они должны быть шире представлены в рамках не только когнитивной лингвистики, но и лингводидактики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеер Э. Ф. Компетентностный подход к образованию [Электронный ресурс] // Образование и наука. – 2005. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-k-obrazovaniyu> (дата обращения 30.04.2020).
2. Исаева Т. Е. Педагогическая культура преподавателя как условие и показатель качества образовательного процесса высшей школе: (Сравн. анализ отеч. и мирового образоват. процесса): Монография. – Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т путей сообщ., 2003. – 311 с.
3. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. – Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1965. – 261 p.
4. Hymes D. H. On Communicative Competence // Sociolinguistics. Selected Readings / eds. J. B. Pride and J. Holmes. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – P. 269–293.
5. Оглуздина Т. П. Развитие содержания понятия «языковая компетенция» в истории лингвистики и теории обучения иностранным языкам [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-soderzhaniya-ponyatiya-yazykovaya-kompetentsiya-v-istorii-lingvistiki-i-teorii-obucheniya-inostrannym-yazykam> (дата обращения 30.04.2020).

6. Bachman L. F. *Fundamental Considerations in Language Testing*. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – 408 p.
7. *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка*. – М.: МГЛУ, 2003. – 256 с.
8. Bloom B. S. *Taxonomy of educational objectives. The classification of educational goals: Handbook I: Cognitive domain* / eds. Engelhart M. D., Furst E. J, Hill W. H., Krathwohl D. R. – New York: McKay, 1956. – 216 p.
9. Anderson J. W, Krathwhol D. R., Airasia P. W. *A Taxonomy for learning, teaching and assessing: a revision of Bloom's taxonomy of education*. – New York: Person Education, 2003. – 336 p.
10. Халперн Д. *Психология критического мышления*. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
11. *Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (с изм. от 29.06.2017) [Электронный ресурс] // Режим доступа: fml366.spb.ru/sites/default/files/_%D0%A1%D0%9E%D0%9E_10-11.PDF (дата обращения 28.04.2020).*

12. Drijbooms E. *Cognitive and linguistic factors in writing development*. – Behavioural Science Institute, Radboud University Nijmegen, 2016. – 206 p.
13. *IELTS Test Format [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/ielts/test-format/> (дата обращения 30.04.2020).
14. *B2 First Exam Format [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/first/exam-format/> (дата обращения 30.04.2020).
15. *C1 Advanced Exam Format [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/advanced/exam-format/> (дата обращения 30.04.2020).
16. *C2 Proficiency Exam Format [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/proficiency/exam-format/> (дата обращения 30.04.2020).
17. *Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2020 году единого государственного экзамена по иностранным языкам [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-11> (дата обращения 30.04.2020).

18. Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена 2020 года по английскому языку (письменная часть) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://down.ctege.info/ege/2020/demo/english2020demo-fipi.pdf?ddexp4attempt=1> (дата обращения 30.04.2020).
19. Климова А. Б. Информационно-аналитические умения в контексте формирования информационного общества [Электронный ресурс] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-analiticheskie-umeniya-v-kontekste-formirovaniya-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения 27.04.2020).
20. Shilo G., Ragonis N. A new approach to high-order cognitive skills in linguistics: problem-solving inference in similarity to computer science // Journal of Further and Higher Education. – 2019. – P. 333–346.
21. Deák G. O. Interrelations of language and cognitive development // Encyclopedia of Language Development / eds. Brooks P., Kampe V. – 2014. – P. 284–291.

РЯБОВА А. С.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению дискурса социальных сетей и анализу его графических, пунктуационных и лексических особенностей. Практический материал исследования составили оригинальные англоязычные сообщения популярных личностей из сферы искусства и политики в социальной сети «Twitter».

Ключевые слова: социальные сети, дискурс, Twitter, графика, пунктуация, лексика.

RYABOVA A. S.

LINGUISTIC PECULIARITIES OF ENGLISH DISCOURSE OF SOCIAL NETWORKS

Abstract. This article considers the discourse of social networks. The author analyzes graphic, punctuation, and lexical features of the discourse. The study is based on the English messages posted on Twitter by celebrities in the sphere of art and politics.

Keywords: social networks, discourse, Twitter, graphics, punctuation, lexis.

В настоящее время язык общения в сети Интернет привлекает всё большее внимание лингвистов, поскольку данная разновидность коммуникации стала неотъемлемой частью жизни современного общества. В частности, в англоязычном интернет-пространстве коммуникация сегодня осуществляется в первую очередь в социальных сетях, самыми популярными из которых являются «Twitter», «Facebook» и «Instagram». Данные электронные ресурсы представляют собой площадки для общения различных социальных групп, отличающихся по полу, возрасту, роду занятий, уровню образования и т.д.

В этой связи цель данной статьи – рассмотреть дискурс социальных сетей как тип интернет-дискурса и определить его лингвистические особенности.

Как известно, интернет-дискурс тесно связан с устно-бытовой речью и отражает новые тенденции языка на грамматическом и лексическом уровнях, в частности, слияние черт разных функциональных стилей. Так, коммуникация в сети Интернет отличается эмоциональностью, одновременностью, включенностью адресанта в процессе восприятия информации адресатом [3, с. 87].

В отечественной лингвистике изучение интернет-дискурса началось только в начале XXI в., поэтому данный тип дискурса является недостаточно изученным и единого мнения относительно его основных параметров и особенностей еще не сложилось. Мы полагаем, что в структуре интернет-дискурса можно выделить отдельную важную составляющую, – дискурс социальных сетей. Под социальными сетями стоит понимать некую площадку в сети

Интернет, которая позволяет зарегистрированным пользователям размещать личную информацию и осуществлять коммуникацию с другими пользователями. В наши дни многие люди устанавливают социальные связи именно благодаря подобным интернет-площадкам. Таким образом, дискурс социальных сетей можно трактовать как коммуникацию в интернет-среде посредством электронных знаков и сигналов.

Основой дискурса социальных сетей является виртуальная коммуникация. Как известно, общение делится на актуальную и виртуальную разновидности. Актуальная коммуникация – это взаимодействие с реальными людьми (по телефону, при личной встрече и т.д.), а виртуальная коммуникация, напротив, является взаимодействием с неизвестными лицами или группами, то есть воображаемыми участниками коммуникации. В этой связи главную особенность дискурса социальных сетей можно обозначить как изменение статуса воображаемого собеседника на статус реального в процессе виртуальной коммуникации.

Дискурс социальных сетей нельзя включить в сферу одного функционального стиля, поскольку он совмещает в себе языковые средства нескольких стилей. Использование невербальных средств общения и эмоционально окрашенной лексики делает виртуальную коммуникацию более интересной и непринужденной. За последние несколько лет отмечается тенденция к использованию в сообщениях и публикациях не только буквенных обозначений, но и фото-, видео- или аудиофрагментов. Следовательно, характерные особенности дискурса социальных сетей являются достаточно разносторонними и определяют его уникальное положение в системе дискурсов.

Дискурс в социальных сетях – высказывания и тексты, которые используются в ситуациях реального общения; также, социальные сети как информационное средство общения позволяет сочетать письменный и устный виды коммуникации; к тому же, все тексты в социальных сетях связаны различными ссылками и взаимными переходами, что, в итоге, приводит к образованию переплетенной системы коммуникативного взаимодействия.

Некоторые лингвисты характеризуют дискурс социальных сетей как новую, гибридную форму речи, сочетающую в себе черты письменного и устного варианта, то есть устно-письменную. Общение в сети Интернет, являясь по форме письменным, сближается с устной разновидностью языка благодаря постоянно растущей степени синхронности, разговорности и эмоциональности. Периодически лингвисты заявляют о негативных чертах языкового пространства социальных сетей. Отмечаются «активизация маргинальных субкультур в сети Интернет» с присущей им спецификой языка; изменение у пользователей социальных сетей представлений о языковых нормах и культуре речи; грубость, невоспитанность, ориентация на чувственность и эмоциональность, которые говорят

негативном влиянии на личность пользователя, его моральное и духовно-нравственное состояние [5, с. 52].

Рассмотрим особенность языка дискурса социальных сетей на примере англоязычного сегмента социальной сети «Twitter». Мы обратимся к сообщениям (твитам), которые опубликованы в официальных аккаунтах популярных британских и американских личностей: певцов, актеров, политиков.

Во-первых, это использование специальных символов и знаков, которые заменяют невербальные средства при общении. Например, смайлики передают различные эмоции и чувства человека, а заглавные буквы не в начале предложения и не в именах собственных могут означать повышение голоса (пример 1) или же выделять информацию, к которой автор сообщения хочет привлечь внимание читателя (примеры 2 и 3).

1. Katy Perry's Twitter: Aussie Aussie Aussie Oi Oi Oi! Let's break some records - join me in Melbourne on March 8, 2020 for the ICC t20worldcup Women's Final. We'll **Roar** in support of these awesome women on International Women's Day!
2. Christina Binkley's Twitter: This may be the greatest fashion collaboration ever announced: **MOSCHINO ANNOUNCES COLLABORATION WITH BUDWEISER**».
3. Chris Pratt's Twitter: Good luck to @Unbreakable coach and fighter @a_v_a_knight in her @bellatorMMA debut tomorrow night in LA. **DON'T MISS IT!** Future champ no doubt!! World champion boxer making the step into the cage. I've seen her...

Во-вторых, это использование различных сокращений. В примере 4 сокращена фраза «Oh, my God» (omg). В примере 5 сокращению подверглась фраза «I don't know» (idk), предлог «about» (bout), местоимение «you» (u).

4. Bryan Boy's Twitter: He's a **HOT** daddy **omg** !!!!!!!
5. Katy Perry's Twitter: **idk bout u** but I used to drink all the miniature creamers in the bowls within the first 2 mins of sitting down at a restaurant when I was a kid.

В-третьих, это использование эмоционально окрашенной (пример 6) и нелитературной лексики (пример 7).

6. Donald Trump's Twitter: An **incredible experience!**
7. Christina Binkley's Twitter: **Crap**. Getting worse again.
8. Follower on Twitter: God... do you see that train ВИНН That mug is too beat, kinda wanna lick the screen but I'm in public.
9. Follower on Twitter: So it takes a lot for me to go **WOW** after seeing a play. But Timothée Chalamet had me going **HOLY SH** F***** **WOW** after seeing Prodigal Son.

Примеры 8 и 9 говорят о малой грамотности пользователя, в виду множества ошибок, употребленный очевидно не с целью эмоциональной экспрессии. Достаточно активное

использование подобных лексических единиц при коммуникации в социальных сетях, говорит о том, что несомненно они проникают в речь современного поколения. Характерной особенностью является то, что, используя подобную грубую лексику, пользователи стремятся в первую очередь не оскорбить или задеть собеседника, как это нередко бывает при других обстоятельствах, а более эмоционально выразить своё мнение, даже выставить напоказ цинизм или продемонстрировать свою свободу в языковом плане, эпатировать собеседника.

Социальные сети – это не просто пространство для реализации языка, а отдельная система, владеющая собственным языком, что позволяет говорить о существовании языка сети Интернет, функционирующего по принципу языковой экономии [2, с. 57]. Этот принцип предполагает сокращение количества усилий пользователя и его времени, без вреда для его содержания, способствует экономии вербальных средств при передаче смысла и отвечает требованию «максимум информации в короткий срок».

Под языковой экономией понимают рациональный способ выражения, актуальный для каждого языкового уровня. Данный принцип предполагает, что графические средства в коммуникации будут незаменимы, т. к. именно с их помощью удастся кратко передать информацию и придать необходимый эмоциональный тон сообщению. В письменной речи у коммуникантов не получится использовать мимику, жесты, интонацию и при этом регулировать саму речь. Для замены отсутствия этих средств в коммуникации в социальных сетях используется особая система орфографии и пунктуации, которая направлена на облегчение процесса общения. Знаки препинания довольно часто применяются в данном виде коммуникации для передачи разных видов эмоций [3, с. 128].

Так, восклицательный знак помогает выразить иронию, возмущение, восторг, желание привлечь внимание к своим словам (примеры 10–13).

10. Chris Pratt's Twitter: CANT BELIEVE WE FINALLY SAW THE NORTHERN LIGHTS!!! thetomorrowwar @ Fosshótel Vatnajökull
11. Chris Pratt's Twitter: WHAAATTT!?!? LETSGO!! This is a REALLY BIG DEAL! #LOB2 Welcome to Seattle, Mr Diggs!!! Condolences to @SamRichardson and other Lions fans- can only assume QD will be missed. But I promise we'll take great care of him.
12. Bryan Boy's Twitter: I love!!! U know it's always surreal because everything is handed to u in a platter Elsewhere but.
13. Christina Binkley's Twitter: YAYYYYYYYYYY!!! Finally, bad weather in LA for Thanksgiving! (I grew up back East - can't lose the urge to be soggy for turkey).

Вопросительный знак передает упрек, сарказм, сожаление, возмущение. В примерах 14 и 15 возмущение автора твита усиливается посредством использования восклицательного знака в комбинации с вопросительным.

14. Chris Pratt's Twitter: LETSGO SEAAAAA!!! HAAAAWWWWKKKS!!! WHERE MY 12S AT!?

15. Follower on Twitter: Are you doing what you want? Or are you doing what they want?

16. Christina Binkley's Twitter: Does she get two points for that?!@HarperRubin @JPRubin23

Многоточие может означать многообещающее ожидание (пример 18) или сомнение (пример 17).

17. Chris Pratt's Twitter: You might be right. I have Wilson and Lockett- and the Seahawks have a buy this week. Hmm... I'll do my best with some backups. But if I do lose... I'm just glad it's to a guardian.

18. Donald Trump's Twitter: On World AIDS Day, The First Lady and I express our support for those living with HIV/AIDS and mourn the lives lost. We reaffirm our commitment to end the HIV/AIDS epidemic....

Намеренное неправильное написание слов или словосочетаний, что в обычном тексте было бы сочтено за ошибку, в данном виде дискурса является одним из видов экспрессии (пример 19 и 20).

19. Chris Pratt's Twitter: For seriously uplifting content follow @PrinceEa this account is all heart. Makes **ya** feel good. Lord knows we can use it. Good stuff prince. Keep it up».

20. Christina Binkley's Twitter: **Whut?!**

Фонетический уровень также может быть отражен в письменной речи продуцентов дискурса социальных сетей через выражение особенностей произношения. Пользователь социальной сети «Twitter» испытывает потребность сделать так, чтобы читатель словно смог услышать и представить, как он от восторга, удивления, разочарования или каких-либо других чувств растягивает гласные в словах [3, с.130]. Долготу растянутых гласных графически удастся передать при помощи мультиповтора букв: gooooooooood (пример 22), shooooooooow (пример 21). Кроме того, встречаются фонетические сокращения – слова, имитирующие разговорный стиль произношения: talkin, somethin, bout (пример 21).

21. Timothée Chalamet's Twitter: But when we talkin bout somethin ... we have gooooooooooooooooooooood discussions.

22. Timothée Chalamet's Twitter: mandamandamanda, mandamandamanda, mandamandamandamanda, shooooooooooooow.

Таким образом, проведенное исследование показало наличие графических, пунктуационных и лексических особенностей у оригинальных англоязычных текстов,

размещаемых в социальной сети «Твиттер». Учитывая растущую популярность данной социальной сети, можно прогнозировать переход в интернет-пространство всё большего количества коммуникативных элементов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенкова Е. А. Текстовое пространство инаугурационной речи в аспекте междискурсивного взаимодействия (на материале английского языка) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – №6. – С. 35–40.
2. Загоруйко И. Н. Интернет-дискурс в современном коммуникационном пространстве // Вестник Костромского государственного университета. – 2012. – №3. – С. 56–60.
3. Крылова М. Н. Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети «ВКонтакте») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – №1. – С. 128–137.
4. Прокофьева А. В. Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – №5. – С. 85–96.
5. Zappavigna M. Discourse of Twitter and Social Media: How We Use Language to Create Affiliation on the Web. – New York: Continuum, 2012. – 240 p.

ЗВЕРЕВА Е. А., БУРЕНИНА Н. В.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СМИ О ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье на основе англоязычных электронных СМИ выявляется отношение современного общества к волонтерской деятельности. В частности, рассматривается оценка данного вида деятельности, представленная на англоязычных интернет-сайтах.

Ключевые слова: англоязычные СМИ, волонтерская деятельность, электронные СМИ.

ZVEREVA E. A., BURENINA N. V.

ENGLISH MEDIA ON VOLUNTEER ACTIVITIES

Abstract. The article deals with the attitude of the contemporary society to volunteer activities. Considering the content of English online media, the authors study the assessment of volunteering on English websites.

Keywords: English media, volunteer activities, online media.

В настоящее время волонтерство определяется как неоплачиваемая деятельность, направленная на помощь какому-либо физическому лицу или организации без финансовой или социальной выгоды, в интересах другого лица. Волонтерство – это реализация личностных качеств человека, направленных на достижение благосостояния и улучшение качества жизни или работы, которые зачастую остаются нераскрытыми в его повседневной жизни [2].

В этой связи нам представляется интересным сделать попытку проанализировать, каким образом англоязычные СМИ отражают волонтерскую деятельность с целью выявить отношение общества к волонтерству.

Следует заметить, что первоначально волонтерами называли тех людей, которые отправлялись на войну или военную службу из чувства долга, а не по призыву [4]. В XX веке данное понятие приобрело новый оттенок. Волонтерами стали называть людей, которые по собственному желанию и совершенно бесплатно помогали восстанавливать разрушенные постройки, города и деревни после войны.

В начале XXI века роль волонтера не ограничивается только помощью нуждающимся людям после катастроф или бедствий. С каждым днем волонтер становится все более значимой и важной фигурой в проведении и организации мероприятий различного рода и уровня. Жители городов, администрация и правительство все чаще обращаются за помощью

к волонтерам, что свидетельствует о возрастающей значимости данного направления общественной деятельности.

Быстрое развитие и широкую известность волонтерство получило благодаря СМИ. Как известно, СМИ является движущей информационной силой, которая в кратчайшие сроки способна рассказать о событии большой аудитории. В современном мире человек получает огромный поток информации посредством сети Интернет. Из материала англоязычных сайтов, понятно, что стать волонтером может каждый, необходимо лишь желание помогать людям, быть полезным обществу, стать частью большой команды людей, объединенных одной целью. Стоит отметить, что все-таки есть несколько общих требований для будущего волонтера:

- возраст от 14 лет;
- отличные коммуникативные навыки;
- устойчивость к стрессовым ситуациям;
- организаторские способности и умение работать в команде;
- высокая работоспособность;
- исполнительность;
- наличие энтузиазма [3].

В связи с тем, что волонтерство развивается достаточно быстро, можно выделить основные направления этого вида деятельности:

- социальное (помощь инвалидам, пожилым людям, бездомным или просто посадка деревьев);
- культурное (сохранение и продвижение культурного достояния, создание атмосферы открытости и доступности культурных пространств);
- военно-патриотическое (патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти);
- экологическое (сохранение окружающей среды, решение экологических проблем) [1].

Во время проведения различного рода мероприятий, функции, которые исполняет волонтер, достаточно разнообразны: аккредитация, культурная программа, помощь в размещении, информирование участников и гостей мероприятий, транспортное сопровождение, взаимодействие со СМИ, гуманитарная помощь, медицинская поддержка, облагораживание территории, благотворительность и т.д. В зависимости от функции волонтера от него требуется наличие определённых навыков и умений. Для выполнения своей работы качественно, потребуется потратить достаточно много времени, усилий, эмоций и энергии, но результат оправдает ожидания. Можно с уверенностью сказать, что

волонтеры являются главной составляющей большого механизма работы над любым мероприятием, в котором они принимают участие.

В сети Интернет мы можем найти большое количество разнообразных сайтов, статей, журналов, которые информируют читателя о волонтерской деятельности. Материалом исследования, на который мы будем опираться в данной статье, являются англоязычные сайты – наиболее удобный и доступный вид СМИ. Мы выбрали 5 наиболее ярких и удобных для анализа сайтов: VolunteerMatch, HelpGuide, GlobalVolunteers, My world of work, BuildAbroad.

Проанализировав 5 англоязычных сайтов, основным направлением которых является продвижение волонтерской деятельности, мы можем сделать вывод, что данное направление достаточно популярно среди людей. Сайты предоставляют всю необходимую информацию о волонтерстве, о его целях и задачах. Следует отметить, что одна из главных целей волонтерства – проявить себя как личность, способная помочь обществу, раскрыть свой потенциал и получить признание через работу во благо человеческому сообществу: *Volunteering offers vital help to people in need, worthwhile causes, and the community, but the benefits can be even greater for you, the volunteer. Giving in even simple ways can help others those in need and improve your health and happiness* [8]. Что касается задач волонтерства, их достаточно много, выделим основные: патриотическое и гуманистическое воспитание поколений, получение и развитие навыков самореализации и самоорганизации, развитие чувства долга и ответственности. Организаторы волонтерского движения считают, что данные цели и задачи успешно развиваются, и будут развиваться в будущем: *Volunteering and helping others can help you reduce stress, combat depression, keep you mentally stimulated, and provide a sense of purpose* [8].

На англоязычных сайтах можно найти список направлений волонтерской деятельности с их краткой характеристикой. Благодаря этому, каждый посетитель сайта, желающий присоединиться к команде волонтеров, может подобрать направление близкое ему [5]. Англоязычные сайты очень доступно и интересно рассказывают о каждом направлении деятельности волонтера, они дают характеристику, привлекают читателя выбрать какое-либо направление и стать частью большой команды волонтеров: *Volunteering abroad holds magic on so many fronts. It is the springboard for global explorations. We can't imagine one without the other anymore* [6].

Все сайты, посвященные волонтерской деятельности, дают точную информацию о территориях, объектах, районах и мероприятиях, которым необходима волонтерская помощь: *Guatemala is one of the most historically significant countries in Central America. Guatemala was home to the Mayan Empire, which was one of the three great Pre-Columbian*

civilizations [6], предоставляют подтверждающий фото- и видеоматериал, дают информацию об истории объектов, которым необходима помощь, а так же предполагаемые результаты, которые могут быть достигнуты благодаря поддержке и участию волонтеров: *All the construction volunteering will be happening in Antigua, which is located about 45 minutes from the capital and closest airport, Guatemala City* [6]. Следует отметить, что информация предоставляется весьма лаконично и доступно, с учетом того факта, что информация о местах, которым необходима волонтерская деятельность, читается людьми различного возраста и социального положения.

Отличительной чертой всех проанализированных англоязычных сайтов, отражающих волонтерскую деятельность, является презентация положительных результатов волонтерской деятельности. Мы можем видеть конкретные цифры, которые повествуют о количестве задействованных волонтеров, облагороженных объектов, числе спасенных жизней, пожертвованных суммах и т.д. Проанализировав все данные, можно сделать вывод, что результаты демонстрируются открыто, и это является достижением волонтерского сообщества. Предоставление результатов демонстрирует успешность, важность и необходимость волонтерской деятельности. С каждым годом, данные результаты улучшаются, что говорит о популяризации данного направления, его необходимости в современном мире [9].

Просмотрев 5 англоязычных сайтов, мы так же заметили, что интерфейс сайтов и имеющаяся на нем информация предоставляется достаточно ярко, живо, привлекает внимание. На сайтах размещено большое количество фото- и видеоматериала с участием людей разного возраста, расы и социального статуса, что свидетельствует о том, что волонтерское движение привлекает достаточно широкую аудиторию. Люди хотят и готовы помогать друг другу, разрешать сложные ситуации и помогать в реализации новых интересных проектов. Множество сайтов привлекают внимание людей к проблемам человеческого сообщества, показывает необходимость сплоченной работы, которая может дать положительный результат.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что англоязычные СМИ формируют положительный облик волонтерской деятельности, демонстрируют ее необходимость и нужность обществу, показывают примеры успешной слаженной работы волонтеров и их результаты. Англоязычные сайты, отражающие работу волонтеров, привлекают внимание своей яркостью, доступностью и мотивацией присоединиться к команде волонтеров, стать ее частью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волонтерское движение в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/info/4779779> (дата обращения 15.01.2020).
2. Габдрахманова Р. А. Волонтерская деятельность в России и за рубежом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/volonterskaya-deyatelnost-v-rossii-i-za-rubezhom__ (дата обращения 15.01.2020).
3. Год волонтера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/sn_volunteers/20180129/1513405680.html (дата обращения 14.05.2020).
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.
5. About Us | Build abroad [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://buildabroad.org/about-us/> (дата обращения 15.01.2020).
6. Volunteer Abroad – Global Volunteers Partners in Development [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalvolunteers.org> (дата обращения 16.01.2020).
7. Volunteering | My world of work [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.myworldofwork.co.uk/learn-and-train/volunteering> (дата обращения 20.01.2020).
8. Volunteering and its Surprising Benefits [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.helpguide.org/articles/healthy-living/volunteering-and-its-surprising-benefits.htm#finding> (дата обращения 15.01.2020).
9. VolunteerMatch – Where Volunteering Begins [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.volunteermatch.org> (дата обращения 16.01.2020).